

© 2001 г. Г.П. НЕЩИМЕНКО

ДИНАМИКА РЕЧЕВОГО СТАНДАРТА СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются некоторые особенности узуса современной публичной коммуникации, существенные для оценки состояния и возможных перспектив развития речевой культуры, а также для анализа этнической языковой ситуации в целом.

Наш интерес к изучению узуса именно этого вида общения не случаен. Благодаря использованию средств массовой информации (далее – СМИ), прежде всего электронных, данная коммуникативная сфера во второй половине столетия заняла главенствующее положение в системе этнической коммуникации, оказывая влияние на формирование стереотипов публичного речевого поведения.

Узус СМИ представляет собой весьма динамичный объект исследования. Он наглядно отражает движение языковой материи, а также новые тенденции в развитии языковой ситуации, чутко реагирует на изменение социальных и генерационных пропорций в обществе, на прогресс в научно-техническом оснащении информационно-коммуникативных контактов как во внутриэтническом, так и межэтническом пространстве. Вместе с тем нельзя не отметить внутренней противоречивости языка СМИ, одновременно сочетающего в себе такие противоположные качества как динамичность и консерватизм, эталонность и зависимость от речевых приоритетов своего времени, в том числе и от различного рода модных пристрастий. Столкновение противоположных тенденций обуславливает, с одной стороны, некоторую лабильность узуса СМИ; с другой, является мощным импульсом в развитии языкового обеспечения данного вида общезтнического общения.

Доминирующую роль в языковом обеспечении публичной коммуникации традиционно играет литературный язык (в письменной и устной его реализации), что не только поддерживается регламентирующими установками языковой политики, но и соответствует устойчивым представлениям индивидуума о речевом этикете. По всем своим параметрам этот идиом оптимально соответствует коммуникативной норме данной сферы общения (высшие коммуникативные функции), так как он является единственной **общезтнической** языковой манифестацией, способной не только обеспечивать коммуникацию в рамках этноса в целом, но и выполняющей при этом важнейшие цивилизационные и этнорепрезентативные функции. Литературный язык является и единственной "рукотворной" экзистенциальной формой этнического языка, поскольку всеми своими неоспоримыми достоинствами (стабильная норма, полифункциональность, высокая степень престижности, развернутая терминологическая номенклатура и пр.) он обязан целенаправленной деятельности многих поколений кодификаторов.

По характеру построения текста публичная этническая коммуникация принадлежит к сфере **регулируемого** речевого поведения. Это означает, что отбор используемых языковых средств здесь происходит (во всяком случае так должно было бы быть!) не произвольно, а корректируется действием соответствующих регуляторов. К числу последних относятся как **внешняя** языковая цензура, осуществляемая редакторами, стилистами и пр., так и прежде всего **автоцензура**, отражающая вполне определенную коммуникативную стратегию индивидуума, его самоконтроль за своим речевым пове-

дением (более подробно по поводу оппозиции "регулируемое – нерегулируемое речевое поведение" см. [Нещименко 1999a]). От соотношения обоих видов языковой коррекции, их удельного веса во многом зависит, как будет показано ниже, направленность эволюции речевого стандарта в СМИ.

Целью языкового регулирования является не только соблюдение ныне действующей литературной нормы. Принципиальное значение имеет и то, чтобы транслируемые в рамках диапазона вещания СМИ коммуникаты были доступны для восприятия социума в целом, т.е. как по существу содержащейся в них информации, так и по своему вербальному воплощению они должны соответствовать активной или же хотя бы пассивной языковой компетенции основной массы членов этнического коллектива.

Анализируя узус публичной коммуникации второй половины столетия, нельзя не заметить очевидного снижения (resp. "усреднения", "массовизации", "огрубления") речевого стандарта, сопровождаемого активным вторжением элементов разговорного языка. Поскольку проблема усиления влияния разговорного языка на литературный не выпадает из поля зрения исследователей (сошлемся хотя бы на две новейшие коллективные монографии по русистике [Русск. яз. конца XX столетия 1996; Русск. яз. 1997], мы сочли целесообразным поставить перед собой несколько иные задачи, суть которых заключалась в установлении причин, обуславливающих смену речевого этикета в современных медийных средствах и в публичной коммуникации вообще, масштабов влияния разговорного языка, социолингвистического статуса востребуемых разговорных манифестаций, адекватности используемых разговорных включений коммуникативному стандарту конкретной ситуации общения и т.п. Соответственно нас интересовала и более общая проблема: как следует оценивать происходящую эволюцию речевого стандарта в языке СМИ? Иными словами, идет ли речь о кризисе современной речевой культуры или же о закономерно обусловленной тенденции, имеющей свою реальную историческую перспективу?

Рассмотрению этих контурно обозначенных целей подчинен и приводимый в работе иллюстративный материал, извлекавшийся, главным образом, из узуса современной русскоязычной публичной коммуникации (из соображений экономии места он сокращен до минимума).

Полагая, что для решения поставленных исследовательских задач окажется полезным привлечение фактов других языков, мы использовали имеющиеся у нас данные чешского языка, поскольку в нем дифференциация разговорной и литературной норм выражена более отчетливо, соответственно и переключение стилевого регистра является более заметным.

В этой связи не можем не отметить перспективность применения **сопоставительного** метода для оптимального решения интересующих нас проблем. Дело в том, что, как показало проведенное исследование, снижение речевого стандарта в современной публичной коммуникации наблюдается не только в русском языке. Подобная тенденция прослеживается и в большинстве языков мира (см. по этому поводу [Никольский 2000: 201]), т.е. можно утверждать, что в данном конкретном фрагменте этнической коммуникации наблюдаются **конвергентные** тенденции, выходящие за рамки какого-то одного региона и являющиеся специфической приметой языкового развития современной цивилизации вообще.

Сходство общей направленности процесса, разумеется, не исключает различий в скорости его протекания в разных языках, в масштабности наблюдаемых изменений речевого стандарта, в характере используемых манифестаций разговорного языка и пр. Нельзя не учитывать и того, что наличие конвергентных тенденций еще не означает полного тождества в вербальной реализации экстралингвистических импульсов, поскольку это зависит не только от естественных "ограничителей", заложенных в языковой системе, но и от специфики конкретной языковой ситуации.

Введение сопоставительного фона делает глаз исследователя не только более зорким, оно облегчает выявление общих закономерностей эволюции речевого стандарта, позволяет проследить (в силу неравномерности темпа языкового развития) раз-

личные фазы протекания процесса в тех или иных языках. Более очевидной становится и избирательность в востребовании конкретных разговорных манифестаций, взаимосвязь между конкретной языковой ситуацией и направленностью динамики речевых норм. Особенно эффективным является сопоставительное изучение близкородственных языков, так как оно обнаруживает не только лежащие на поверхности сходства и различия, но и глубинные системно-функциональные закономерности и универсалии.

Подчеркнем, что, говоря о сопоставительном изучении, мы имеем в виду не только **межъязыковое** сопоставление. Интересным и результативным является и **внутриязыковое** сопоставление (подробнее о внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении см. [Нещименко 1983]), позволяющее проследить как диахроническую эволюцию речевых стандартов, так и их синхронную динамику.

Для эволюции речевого стандарта публичной коммуникации второй половины нашего столетия особое значение имели следующие два фактора:

а) произошедшая смена нормативной основы литературного языка, выразившаяся в утрате языком произведений художественной литературы своей нормотворческой значимости;

б) предпочтительное использование в сфере публичной коммуникации **устных** каналов коммуникативной связи.

Как известно, в первой половине XX в. нормотворческую функцию выполняли тексты произведений художественной литературы. Не случайно, и при периодизации литературного языка, как правило, принимался во внимание характер того или иного художественного направления (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм и т.п. — см. [Виноградов 1938]) или же узус наиболее выдающихся писателей своей эпохи (ср. постулаты теории так называемого "хорошего автора", изложенные, в частности, чешским ученым В. Эртлом [Ertl 1929: 50]). Примечательно, что и язык прессы, особенно на начальных этапах ее формирования, например в середине XIX в., когда еще не сформировался публицистический стиль, во многом характеризовался беллетристичностью, т.е. еще не произошло его отделение от языка художественной литературы.

К концу столетия язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприимчиком этой функции становится язык медиальных средств, причем прежде всего СМИ **устных**¹.

Смещение нормотворческого акцента с эксклюзивных художественных текстов на язык СМИ во многом было предопределено различием их целевой установки: задачей художественного произведения является прежде всего эстетическое **самовыражение** личности, творца, а отнюдь не ориентированность на **массового** читателя. Реализации этого замысла в конечном итоге подчинен и отбор используемых выразительных средств. По мнению М.М. Бахтина, "автора, героя и слушателя мы все время берем не вне художественного события, а лишь поскольку они входят в самое восприятие художественного произведения, поскольку они являются необходимыми составными моментами его... Мы берем... только того слушателя, который учитывается самим автором, по отношению к которому ориентируется произведение и который поэтому внутренне определяет его структуру, — но отнюдь не ту действительную публику, которая фактически оказалась читательской массой данного писателя... если этот сознательный учет публики займет сколько-нибудь серьезное место в творчестве поэта, — оно неизбежно утратит свою художественную чистоту и деградирует в низший социальный план" [Волошинов (М.М. Бахтин) 1995: 22–26].

Не будет преувеличением сказать, что автору художественного произведения в определенном смысле безразлично, найдет ли его "детище" своего почитателя, либо, напротив, выпав из культурного контекста эпохи, оно станет достоянием лишь буду-

¹ Факт ослабления нормотворческой роли художественных текстов отмечает, например, чешский ученый А. Едличка. По его мнению, в современных литературных языках центральную роль начинает играть язык научно-популярной литературы и публицистики, причем не только письменной, но и устной [Jedlička 1974: 61 и далее].

щих поколений. Очевидно, есть свой резон в выведении языка произведений художественной литературы за рамки стратификации национального языка, как это предлагает сделать словацкий ученый Я. Горецкий².

В отличие от художественного творчества медиальные средства, напротив, ориентированы на **массовую** аудиторию, на создание единого **общезначимого** коммуникативного и культурного пространства. Именно эта задача во второй половине столетия приобрела не только особую актуальность, но и стала реально осуществимой благодаря достижениям научно-технического прогресса.

Для осуществления этой цели было необходимым, как уже отмечалось, чтобы вербальная оболочка текстов СМИ была доступна массовой аудитории, т.е. максимально приближена к ее речевому узусу (к этому вопросу мы еще вернемся ниже). Сказанное сопряжено с "усреднением", "массовизацией" речевого стандарта СМИ, подбором "общедоступных", общепонятных языковых средств. Не следует, впрочем, забывать и об обратной связи, в соответствии с которой адресат воспринимает "усредненный" узус СМИ как образец речевого этикета, эталон, которому надлежит следовать.

Так или иначе, к концу XX в. язык СМИ со всеми своими достоинствами и недостатками, хотим мы того или нет, становится **эталонным**, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом. Вместе с тем, исследуя узус публичной вербальной коммуникации конца XX в. и особенно язык СМИ, нельзя не заметить, что характер и направленность наблюдаемых здесь изменений довольно часто расходятся с традиционными представлениями о норме речевого поведения в сфере **репрезентативного** языкового употребления. Обращает на себя внимание в частности массивное "вторжение" разговорной стихии в самой различной ее реализации³, причем наибольшую активность проявляют сленговые манифестации разговорного языка. Результатом этого вторжения является снижение языковой планки текста, уменьшение его пафосности⁴ и, напротив, возрастание экспрессивности, усиление "личностного" начала.

² В составе национального языка Я. Горецкий отводит языку художественной литературы особое, автономное, место. Он противопоставляет ему такие формы существования национального языка как литературная, стандартная, субстандартная, диалектная. Выводя за пределы стратификации национального языка язык художественной литературы, он определяет последний как "очень специфическую, трудно вычленяемую форму существования национального языка, имеющую вместе с тем чрезвычайно важное значение. В языке художественной литературы используются выразительные средства всех форм национального языка, в том числе и общенациональных. Правда, используются они в олитературенном виде" [Norecký 1981: 119].

³ В соответствии с нашей точкой зрения, изложенной в ряде работ (см. прежде всего [Нещименко 1985; 1988; 1994; 1999a]) разговорный язык имеет множественную манифестацию. В состав этого функционального массива, обеспечивающего непринужденное повседневное общение, наряду с интегрированными экзистенциальными формами типа региональных интердиалектов, городской речи, общезначимого субстандарта, находящегося в стадии постепенного конституирования, входят и идиомы, детерминированные по территориальному, социальному, возрастному, профессиональному признаку.

⁴ В чешском языке снижение "пафосности" затрагивает, например, и такие специфические тексты, традиционно относимые к "высокому стилю", как язык проповедей в костеле. Так, священник, стремясь установить доверительные отношения с прихожанами, прибегает к разговорным включениям (в чешском языке они особенно заметны благодаря значительным нормативным отличиям между разговорной и литературной речью). Проиллюстрируем сказанное примерами: *Tuhle jedna pani říkala...*, *Willzonák* вм. *Willzonova nádraží*; *velikánský* и т.д. (храм св. Якуба в Праге, 1990 г.); *prošli obrovským zkouškama a překážkami*; *to je úžasné*; *senzačně* и т.д. (там же в 1995 г., в проповеди об Иоанне Крестителе); *za nejtěžší totalitu neměl ani vindru v kapse*; *s estebdkama*; *režim se ho snažil skomandovat*; *nevěděli o jeho kumštu*; *byl tak svázán se svým kumštem, na který...* (там же, 1998 г. – рассказ священника о бескорыстном поступке художника Индржиха, изготовившего для храма крест) и др.

Отход от привычных стереотипов речевого поведения в публичной коммуникации зачастую воспринимается болезненно, причем не только лингвистами, но и обычными носителями этнического языка⁵. Подтверждением служит, например, повышенная эмоциональность возникающих по этому поводу дискуссий, в ходе которых нередко высказываются весьма категоричные, а порой и предвзятые суждения, в том числе и призывы вернуться к прежней ориентации литературной нормы на язык классической художественной литературы (впрочем, не ясно, какие литературные произведения в настоящее время могут рассматриваться как классические).

Несовпадение норм публичного речевого поведения особенно заметно у представителей различных генераций носителей этнического языка, сосуществующих в рамках одного и того же синхронного среза. Проиллюстрируем это на примере проводившихся нами наблюдений за речевым поведением двух ведущих радиостанции "Эхо Москвы" (1999–2000 гг.), участвующих в цикле диалоговых передач об истории классической музыки (творчество Ф. Листа, Ф. Шуберта, Ф. Шопена, М. Мусоргского, П. Чайковского, Н. Римского-Корсакова). Подчеркнем, что оба собеседника имеют не только высокий уровень профессиональной и языковой компетенции, но и равную осведомленность о предмете разговора. Иными словами, полностью соблюдено главное правило сопоставления – наличие сходного "основания для сравнения – *tertium comparationis*". Практически единственное отличие участников диалога заключается в их возрасте: **А.** – принадлежит к старшему поколению; **В.** – к относительно молодому.

В речи **А.** сленгизмы и современные клише встречаются значительно реже, лишь эпизодически проскальзывают такие высказывания, как *эта ария стала хитом, шлягером своего времени; иначе мы уйдем в другую, неприятную мне степь; Апполон Григорьев не мог владеть нашей политической феней. Чайковский, извините* (подчеркнуто нами. – Г.Н.), *знал себе цену* и пр. Примечательно, что в речи **А.** представлены и сложные прилагательные, особенно активизировавшиеся в настоящее время (ср.: *В большеатровском классическом исполнении; глинковско-романсовская музыка* и пр.)⁶. Показательно, что **А.**, как правило, отрицательно реагирует на пере-

⁵ Симптоматична следующая оценка современного узуса: «язык Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова и даже Блока, Мандельштама, Булгакова очень скоро будет восприниматься... как нечто устаревшее и малопонятное наверняка. Кто же может в противовес злостному ящику сеять разумное, доброе, вечное на родимых просторах? Толстые литературные журналы? Они не доходят никуда дальше Дома книги на Арбате да некоторых библиотек. Книжки? Но среди них сейчас столько таких, что даже родимое телевидение покажется образцом чистоты языка, изящества и вкуса. Слава Богу, что еще не повывелись другие, но, чтобы их отыскать (речь, разумеется, не идет о классике), нужен, как писали раньше, "компас в книжном море"» (НГ 27/1999).

⁶ Обращает на себя внимание усиление в современном русском языке тенденции окачествления относительных прилагательных, причем нередко довольно сложной конструкции. Примечательно, что совсем недавно это было одной из специфических особенностей чешского языка, которую следовало учитывать в практике перевода при подыскании соответствующего русского эквивалента (см. [Něščimenková 1990: 268]): *hektarové výnosy* – урожайность с гектара; *sklízňové ztráty* – потери при уборке урожая; *bezztrátová přeprava* – перевозки без потерь; *jednooboroví studenti* – студенты с одной специализацией // однопрофильные студенты; *odvetná akce* – акция возмездия; *akční rádius* – радиус действия; *životní způsob* – образ жизни; *poslanecká sněmovna* – палата депутатов; *pobídkový fond* – фонд поощрения; *mokasínové a polobotkové modely* – модели мокасин и полуботинок; *studenoválečnické choutky* – помыслы поборников холодной войны и пр. Как мы видим, в русском языке чешским относительным прилагательным, т.е. согласованному определению, как правило, соответствует постпозиция несогласованного определения, выраженного либо с помощью предложной конструкции, либо существительным в род. пад. Иными словами, в какой-то мере наблюдается оппозиция: синтетическая конструкция – конструкция аналитическая. Приведем примеры относительных прилагательных нового типа, зафиксиро-

насыщенность сленгизмами и клише речи своего собеседника — об этом свидетельствуют реплики типа: *Нельзя к Пушкину применять жаргон криминала и полуправительственных кругов* или *Я уже боялся, что Вы сейчас скажете: ну, все, блин.*

Речь **В.** более экспрессивна, она изобилует разговорными включениями, а иногда и современными клише (в основном из молодежного сленга). Приведем выборочно примеры из разных передач: (о творчестве Ф. Листа) *стиль Листа гружёный*; *Лист сказал музыкантам: Ребята, давайте сыграем*; *У парнишки выступили слезы*; *Среди грандиозной листовской лапши*; *Лист болтался, как маятник*; *Ну, просто убойная музыка* (о концерте Листа. — Г.Н.). И тут же извиняющийся комментарий: *Извините, я не могу сказать иначе* (кстати, в этот же день на "Эхо Москвы" прозвучала реклама театральной постановки: *Это убойная комедия*); (о М. Мусоргском) *когда они вместе снимали эту несчастную хибару*; *со страшной силой*; *он мог сесть к роялю и отчесать* подряд оперетту *от корки до корки*; (о Ф. Шуберте) *Он (Шуберт. — Г.Н.) здесь выступает в роли такого массовика-затейника*; *Мы все это можем услышать в натуральную величину*; *Шуберт, ухлестывая за служанками*; (о Н. Римском-Корсакове) *далее идет одна обязаловка*; *их как бы слили в один флакон* (по аналогии с рекламой: *все в одном флаконе. — Г.Н.*); *как здорово маскируется*; *кому Кощей Бессмертный один общий товарищ начальник, кому...*; (о П. Чайковском) *Ничего общего с этой райкомовской утварью*; *исполнители всегда страшно заводятся*; *Эта психологическая шишка*; *даже через такое посудно-пожарное исполнение* (об исполнении Государственного симфонического оркестра. — Г.Н.); *таранная мощь первого концерта*; *Чайковский довел до ума свое запрещенное новшество* (о специфической комбинации звуков. — Г.Н.); *стопудовый квартет Чайковского*; *можно услышать в натуральную величину*. Примечательна возникшая дискуссия между **А.** и **В.** по поводу многократного употребления **В.** (по отношению к П. Чайковскому) слова "истерика" (*настоящая музыкальная истерика* и пр.). Отвечая на негативную реплику **А.**, **В.** предлагает компромисс: *Назовем не истерика, а смятение*. **А.** предлагает свой вариант: "душевная истома", на чем они в конце концов и соглашаются. Ср. также у **В.** в передаче об исполнении произведения Ф. Шопена: *когда его играют народноартистским образом*. Число подобных примеров может быть умножено.

ванных нами в языке русских СМИ: *Впервые его (Доренко. — Г.Н.) рейтинг превышает рейтинг "итогового" монополиста Евгения Киселева*. НГ. 38/1999, рец., ар. (о программе "Итоги" на НТВ); *фанерные концерты*. НГ. 39-д/1999, инт., рп. (= концерты под "фанеру", т.е. фонограмму); *фонограммные артисты*. НГ. 39-д/1999, инт., рп. (= артисты, выступающие под фонограмму); *Типично шестидесятический журнал*. НГ. 37-д/1999, оч., ар.: *глобальношапкозакидательский* апломб. Мир за неделю. 3/1999, ст., ар.; *некогда преуспевающие служащие*, *"белые воротнички"*, наш средний класс. *Ведь любая самая тяжелая и неприятная работа намного лучше "беловоротничковой" безработицы*. НГ. 37/1998, оч., ар.; *В ответ на этот вопрос белодомовские чиновники молчали*. МК. 79/1999, заметка, ар.; *Мы говорим с полковником под аккомпанемент "градовых" ударов по Серноводску*. НГ. 41/1999, оч., ар. (= установка "Град"); *потом будут выборные и праздничные каникулы*. Эхо, 1999, вед.; *А во взрослых фильмах сопереживает своим героям?* Мир за неделю. 13/1999, инт., ар.; *Выдав в эфире часовую "нарезку" лучших "безгалстучных" эпизодов, г-жа Зайцева сделала всем ручкой*. НГ. 23/1999, рец., ар. (о ТВ-передаче "Без галстука"); *в силу своего разведческого прошлого* (о Путине. — Г.Н.). *Версия*. 1/2000, ст., ар.; *Он (Коржаков. — Г.Н.) мог подсунуть указ для подписания "на коленке"*. *С этой наколенной практикой довольно быстро покончил Чубайс*. Мир за неделю. 1/2000, инт., рп.; *Клетка-комната на сцене, в каких томятся новорусские жены*. НГ. 5-д/2000, рец.; *сетевой коллега*; *онлайновый коллега*; *Эхо*, 2000, обзор прессы; *даже в самые безмедальные годы*. *Эхо*, 2000, спортивный комментарий и мн.др. В подобной тенденции можно усматривать проявление тенденции языковой экономии (не исключено, впрочем, и влияние английского языка).

Оценка узуса современных СМИ чаще всего колеблется в диапазоне: кризис речевой культуры – демократизация речевой культуры. И та, и другая точка зрения представляются нам спорными. Так, мы не видим оснований для чрезмерной драматизации состояния языка современных СМИ, несмотря на то, что претензии, предъявляемые к уровню их речевой культуры, во многом обоснованы, а перечень предаваемых остракизму языковых "прегрешений" настолько велик, что порой это становится "общим местом" публикаций на данную тему. На наш взгляд, корни происходящего следует искать не столько в речевой "всеядности" журналистов, сколько в условиях жизни общества в целом.

Не можем мы согласиться и с оценкой происходящих в вербальном узусе СМИ изменений как демократизации (даже если это делается с опорой на традиции Пражской лингвистической школы), тем более, если учесть, что зачастую речь идет об усиленном притоке криминальной или же "вульгарной" лексики⁷.

Думается, что тезис демократизации нормы литературного языка был актуальным для первой половины XX в., когда литературный язык в силу своей **элитарности, социальной** маркированности и пр. действительно имел относительно узкий диапазон употребления, а также ограниченную социальную базу. В этих условиях соблюдение литературной нормы, четко определяемой кодификацией, могло достаточно строго корректироваться централизованной языковой политикой. Для этого имелись и соответствующие рычаги воздействия не только в виде специальных научно-исследовательских институтов, но и обширного редакторско-корректорского корпуса, разветвленной сети консультационных служб и пр. Не случайно и лингвистические исследования в своем большинстве были ориентированы на изучение именно литературного языка, через призму которого обычно рассматривались все процессы, протекающие в языковой ситуации.

Социальная база и условия функционирования литературного языка во второй половине столетия существенно изменились, в результате чего на первый план выдвинулись уже другие проблемы, соответственно и сам тезис "демократизации" уже утратил свою силу. Так, в частности возникли реальные основания для пересмотра "литературноцентристской" социолингвистической концепции (подробнее см. [Нешименко 1999a]). Возросло осознание невозможности универсального использования литературного языка во всем спектре этнической коммуникации. Ср. например, интервью, данное радиостанции "Эхо Москвы" (1999 г.) главным редактором популярного детского и молодежного киножурнала "Ералаш" Б. Грачевским. (Ведущий): *Ваши герои говорят на литературном языке?* – (Б. Грачевский): *Ну, нет. На нормальном, иначе они были бы чужими* (выделено нами. – Г.Н.)⁸. Очевидным стало наличие диспропор-

⁷ Об усилении притока вульгарной лексики в современном чешском языке пишет например, Ф. Данеш во введении к книге "Чешский язык на рубеже тысячелетия" [Daneš a kol. 1997: 18].

⁸ Приведем для сравнения оценку современной чешской молодежи сферы употребления чешского литературного языка (анкетирование проводилось среди учащихся профессионально-технического училища; перевод наш. – Г.Н.): "Этот язык, которым пользуются, главным образом, люди наверху, например в суде, в правительстве, президент и т.д."; "Мы пользуемся литературным языком на занятиях стилистикой, литературой, поэзией. Очень редко – в обычном разговоре. Чаще всего его употребляют поэты, писатели, учителя, используется он и в средствах массовой информации. Это приличный язык... Я же редко пользуюсь литературным языком, разве что на занятиях чешским языком, т.е. в школе. Иногда в обычном разговоре. Но чаще всего я пишу на нем письма и всякие бумаги. В школе я им пользуюсь потому, что это от нас требуют, а на письме – потому, что так подобает выразить то, что я хочу"; "На литературном языке, наверное, нужно говорить в особых случаях, при встрече с людьми, с которыми мы знакомимся. Я, например, с людьми, с которыми не знакома, стараюсь говорить на литературном языке. Впрочем, как когда. По-моему, в обычной жизни люди не очень-то говорят литературно. Разве что с начальниками и т.д." (см. [Brabcová 1996: 220–222]).

ции между численностью носителей и пользователей языковых идиомов, между уровнем полученного образования и степенью владения литературной нормой. В результате возрастания социальной и вербальной активности социума произошло стремительное увеличение численности реальных пользователей литературного языка при одновременном сокращении состава подлинных носителей его нормы (см. [Нещименко 1998; 1999а]).

Для изучения узуса публичного общения весьма перспективным является использование коммуникативного подхода, занимающего все более прочные позиции в современной социолингвистике (подробнее см. [Нещименко 1999а]).

В свете этого подхода эволюция речевых стандартов в сфере публичного общения и прежде всего в языке СМИ рассматривается в контексте языковой ситуации в целом и воспринимается не как нечто фатальное, а как закономерный и предсказуемый процесс, происходящий в истории этноса с определенной периодичностью под влиянием целого комплекса причин. Соответственно и некоторые отступления от литературной нормы оцениваются не как проявление речевой "вседозволенности", а как отражение, иногда, может быть, и гипертрофированное, процессов, реально развертывающихся в вербальной коммуникации этноса.

В целом в число причин, обуславливающих динамику узуса публичного общения, помимо эволюции нормотворческой основы литературного языка, входит и появление новых каналов коммуникативной связи, изменение соотношения между численностью носителей и пользователей литературного языка, в том числе и вовлечение в состав пользователей лиц с разнородным уровнем языковой компетенции и т.п. Большое значение имеет изменение демографического корпуса социально активной части этноса, проявляющееся в частности в вовлечении в публичное и вербальное общение более молодого поколения (т.е. это в своем роде генерационная ротация), привносящего в узус публичной коммуникации характерные для него речевые навыки⁹.

Одна из важнейших задач социолингвистики, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, тщательно зафиксировав новые тенденции в развитии современной языковой ситуации, не отвергать их с ходу, а попытаться, выявив причины их вызывающие, предложить научно обоснованные рекомендации в области языкового воспитания и языковой политики.

Проведенный нами анализ показал, что направленность динамики норм современного речевого поведения определяется действием как **преходящих**, так и **системных** факторов.

К числу первых мы бы отнесли допускаемые индивидуумом "вольности", "раскованность", отражающие характерные для данного времени модные речевые приставности; ср. довольно развязный тон интервью, данного в 1999 г. радиостанцией "Эхо Москвы" редактором журнала "Карман", ориентированного на состоятельных людей: *У нашего журнала есть одна фишка, как сейчас говорят в тусовке, т.е. одна особенность*. Или же: *повестка сегодняшнего заседания Госдумы будь здоров какая!* Эхо. 2000, вед., беседа с гостем; *Погода завтра не блеск*. НГв. 1999, вед. (прогноз погоды); *если Вас задержали* (дорожная милиция ГИБДД. – Г.Н.), *лучше всего идти в несознанку* (= не сознаваться). Эхо. 1999, ведущий автопередачи; *С такой штукой можно было бы прослыть самым крутым аналитиком*. МК. 79/1999, заметка, ар.:

⁹ Ср., например, услышанное нами в разговорной речи молодого человека, кстати, в совершенстве владеющего нормой русского литературного языка, выражение *мне это фиолетово* (т.е. 'мне это безразлично') и использование того же самого выражения в речи автора очерка, также, очевидно, молодого человека: *И тогда академик обратил взоры на Запад. Западникам, само собой, научная фантастика не очень интересна. И величие России, обретшей новую отрасль, им тоже глубоко фиолетово*. НГ. 12/2000, оч., ар. Кстати говоря, небезосновательным является предположение о заимствовании данного выражения из английского языка (ср.: *deeply violet*; ср. также: *to play the shrinking violet* 'разыгрывать из себя невинность').

Представьте, какой **навар** даст эта валюта, прокручиваясь в западных банках два десятилетия. НГ. 15/1999, ст., ар.: **И только когда мы надавили на фирму, нам наконец-то прислали приличные коньки.** НГ. 14/1999, инт., рп.; **Рваный кадр, имитирующий немую фильму, дрожащая камера, музыка подложена соответствующая.** НГ. 46/1998, оч., ар.; **врачи, ужравшиеся медицинским спиртом.** Мир за неделю. 7/1999, ст., ар.: **механическая очистка легких и бронхов, без которой даже при всех ломовых инъекциях – труба.** НГ. 39-д / 1999, оч., ар. Заметим, что приводимые примеры взяты не только из речи персонажей, где возможна определенная стилизация, но и из речи авторской, т.е. журналистов.

Встречающийся в некоторых случаях текстовый комментарий достаточно красноречиво подтверждает, что речь идет действительно о модной тенденции: **И в Минобороны, и в МВД уже не скрывают, что у них есть приказ "замочить", как сейчас говорят** (подчеркнуто нами. – Г.Н.) **Басаева и Хаттаба.** Комс. пр., 26.10.1999, инт., речь журналиста; **говоря на модном** (выделено нами. – Г.Н.) **нынче воровском жаргоне, нужно замочить все силы, кроме одной.** НГ. 45/1999, инт., рп.; **прошмонали все, как сейчас говорят на модном** (выделено нами. – Г.Н.) **жаргоне.** НТВ. 2000, репортаж, рп. (об обыске в "Медиа-Мост") и т.п.

Что касается факторов, условно называемых нами **системными**, то они несомненно численно преобладают. Причем нередко это сигнализирует о наличии "болевых точек" либо в системе этнической коммуникации, либо в языковой системе, либо, наконец, в системе социальной. Именно этим во многом определяется избирательный подход к тем или иным манифестациям разговорного языка, включения из которых используются в языке СМИ. Сказанное прослеживается как в различных этнических языках, так и на различных синхронных срезах одного и того же языка. Так, в языковом обеспечении чешского этноса такой "болевой точкой", несомненно, является **коммуникативный дискомфорт**, возникающий из-за значительного разрыва между разговорным узусом и действующей кодификацией литературного языка (эти различия наблюдаются практически на всех уровнях языковой системы, т.е. в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, словообразовании и пр.). Не случайно в чешских устных и письменных текстах весьма высока частотность включений из обиходно-разговорной речи, манифестируемой обычно феноменом *obecná čeština*. Последний имеет довольно высокий социолингвистический статус, являясь обиходно-разговорным языком Праги, а также значительной части чехоязычной территории. Приведем примеры диалогической художественной речи (разговорные маркеры выделены с помощью шрифта): *Dorozumíš se s nima všema možnejma jazykama. Třeba polsky. A nemáš jezdit vožralej – Nejezdím vožralej, byl jsem unavenej. Mám svý známý všude. Sem mazanej.* Topol¹⁰. Ср. выборочно зафиксированные нами примеры из речи радиоведущих в чешских СМИ (*byl jsem odvázaný*. Радио. 1999; *je to úplně prkotina*. Радио. 1999; *jak to má být / být*. Радио. 1997; *dávejte bacha*. Радио. 1999; *šlo to rychlejc; zblednul; posluchači tě pozdravujou*. Радио. 1997; *zaflíkovat dlažbu asfaltem*. Радио. 1997) или же из речи приглашенных на передачу гостей: *umělý osvětlení všude v Evropě a na celým světě slouží*

¹⁰ Нередко различие между литературной и разговорной нормой намеренно "обыгрывается", т.е. используется как художественный прием. Приведем пример из произведения современного писателя Ф. Непила "Как построить загородный дом". (Речь персонажей) *"Vokna taky držej na čestný slovo" – "To úte, tolik let se vo to nikdo nestaral. Tadyhle ta druhá cimra už není tak pěkná, ta je vlhčejší". "To vedle je ještě, větši, tam nejní ani uokno".* И, напротив, авторская речь является более литературной: *Není tam ani okno a je to nejhezčí místnůstka v chalupě* (F. Nepil). Примечательно последовательное использование начального *v* протетического в речи персонажей (*vokno*) и соответственно начального *o* в слове *okno* в речи автора, равно как и употребление разговорного *cimra*, наряду с более литературным *místnost* в значении "комната".

k určitým těch extrémních případů; tady ten průměr mně nepřipadá příhodnej; to sou dvě nesouměřitelný a to sou dvě věci úplně vo něčem jiným čili vo tom bych nehovořil; prostě ten problém neníovej; je diskutovanej (речь спортивного деятеля – футболиста); (звонок в студию) *já bych se chtěl zeptat jak se vod pěti hodin hraje ta liga na co mají tam umělý osvětlení; třeba tydienty větš jako Olomouc* (архив Института чешского языка¹¹) и др.

Для современной русской публичной речи характерна значительная активизация сленговых манифестаций разговорного языка: молодежного, профессионального и – что особенно шокирует – криминального жаргона. Последнее, хотим мы того или нет, с очевидностью свидетельствует о нынешнем **нездоровье** социального организма этноса, в частности о его криминализации (ср.: *сегодня у нас общественное сознание становится уже не просто даже криминальным, а отмороженным, маргинальным, люмпенским*. НГ. 39-д/1999, статья социолога; приведем также полемическое высказывание, из дискуссии, организованной "Новой газетой": *Ни в одном языке мира нет в таком количестве воровского сленга – заметьте, на этом сленге говорят все слою общества* (подчеркнуто нами. – Г.Н.). НГ. 10/1999). Приведем некоторые примеры: *Рефрен этого манифеста становится "фенькой" их маленькой компании*. НГ. 11/1999, заметка, ар.; *Жданов не повел "гнилых базаров" про родительский дом*. НГ. 45-д/1999, оч., ар.; *Один мой знакомый, услышав эту историю, высказал свое суждение о ней в том смысле, что ловко "обули" государство*. НГ. 48/1999, ст., рп.; *Ну откосил бы от ихнего военкомата, и ништяк*. НГ. 45/1999, рец., ар.

О частотности употребления включений из криминального жаргона можно судить на примере нижеисследованной газетной статьи (НГ. 1997, речь автора очерка): *"Братков" разыскивают дома, чтобы посадить на нары (заголовок статьи); (в тексте статьи): И Дания вздрогнула. Здесь впервые столкнулись с разборками нашей братвы; установить за объектом "наружку"; Таких называют мошенниками, или по-русски "кидалами"; У него возникли проблемы с "крышей" обманутых фирм и пр.¹².*

Снижению языковой планки в сфере публичной вербальной коммуникации в какой-то мере способствует **истончение** слоя интеллигенции, являющейся потенциальным носителем и пользователем литературного языка. Это обстоятельство негативно сказывается на уровне речевой культуры общества (*"У нас сегодня на две трети сократилась интеллигенция. Люди ушли в бизнес, уехали на Запад. Оставшиеся, получая копейки за свой труд, стараются подрабатывать где только можно и в итоге оказываются просто не в силах поддерживать свой интеллектуальный уровень"*. НГ. 39-д/1999, статья социолога). Отток определенной части интеллигенции как наименее обеспеченного слоя населения в сферу "дикого" бизнеса, в том числе и в так называемый бизнес "челночный", сопровождается втягиванием ее в другие социальные (порой и криминальные) пласты, ставит перед необходимостью освоения соответствующих корпоративных речевых навыков (в том числе и криминального жаргона) для того, чтобы, с одной стороны, не казаться "белой вороной"; с другой, чтобы быть коммуникативно успешной (ср.: *в стране, где интеллигенция ботает на блатной фене*. НГ. 17/1999. рец., ар.).

Таким образом, в современном русском и чешском публичном узусе в зависимости от

¹¹ Сердечно благодарим коллег из Института чешского языка ЧАН за предоставленную нам возможность пользоваться результатами наблюдений над современным чешским узусом.

¹² Примечательно, что у существительного *крыша* уже имеются довольно многочисленные производные: *крышевать* 'предоставлять защиту, прикрытие' (Допустим даже, *тебя не убили на Киевском рынке местные менты, которые "крышуют" рынок*. НГ. 9/1999 оч., рп.); *крышевание* 'предоставление защиты, прикрытия' (*крышевание ломщиков чеков*. НТВ. 1999, ар. – журналист об уголовном мире). Далее: *подкрышевывать*, *подкрышевывание* и пр. Думается, что эта деривационная цепочка отнюдь не является исчерпанной, закрытой.

специфики конкретной языковой ситуации, а также социальных условий жизни социума активизируются **разные** манифестации разговорного языка: в чешском языке – преимущественно феномен обеснá ěština; в русском – сленговые манифестации, т.е. подтверждается **избирательность** использования разговорных идиомов. Это не означает, конечно, что в русском языке, помимо сленговых, не могут использоваться вкрапления из других разговорных манифестаций, например, просторечия и т.п. Соответственно и в языке чешских СМИ, а также в художественных текстах (главным образом детективного жанра) встречаются жаргонные включения, однако в целом их удельный вес ниже, чем в русском языке¹³. Нельзя в частности не отметить использование включений из сленга наркоманов, что, кстати, также говорит о нарастающем, причем в мировых масштабах, социальном напряжении: (чешск.) *fet* ‘наркотик’, *fetovat* ‘колоться’, *fet’ák* ‘наркоман’, *haš* ‘гашиш’, *marjánka* ‘марихуана’; (русск.) *наркотá* ‘наркотик’ (*Один случай продажи наркотиков... за торговлю наркотóй*. МК. 1998, т.е. в одном и том же тексте встречаются как нейтральное обозначение “наркотик”, так и сленговое “наркотá” с ударенной флексией по типу дезá ‘дезинформация’; *компрá* ‘компромат’ и пр.); *передозnúťся* ‘принять дозу наркотика’, *сидеть на игле* ‘быть наркоманом, иметь наркотическую зависимость’ (*Джимми и Джонни давно на игле*), *и один уже довел себя до цирроза печени*. МК. 79/1999, заметка, ар.; ср. также переносное употребление: *сидеть на игле* МВФ. НГ. 1998); *забирали героин для себя, чтобы самим* (т.е. милиционерам. – Г.Н.) *вмазаться* ‘принять наркотик’; *Ехала из больницы вмазанная*. НГ. 25/1999, оч., рп.; *Телегурманы давно подсели на его ночную черно-белую "Антропологию"*. НГ. 7-д/2000, подзаголовок интервью, ар.

Приведем также примеры из сленга спортивных болельщиков: *обсуждает последний слух о готовящемся побоище между фанатами "Спартак" и "Динамо"*. – *А что "динамиков" мало, – авторитетно говорит крепкий на вид солдат, – так они потом подойдут*. НГ. 25/1999, ст. о спорте, рп.; *весьма остроумны футбольные спартачи*. АиФ. 31/98, инт., рп.; *"Спартак" утопили в Бордо* (заголовок). *А мы должны утопить их в "Луже"* (Лужники. – Г.Н.) – подзаголовок. НГ. 37/1999, ст. о спорте.

Включение в узус современных СМИ элементов обиходно-разговорной речи или же социолектов дает повод говорить об изменении сферы функционирования этих идиомов. Так, социолекты, выходя на более широкий коммуникативный простор, утрачивают свою исконную функциональную замкнутость, исконное корпоративное назначение – служить тайными или же специализированными языками. Соответственно меняется и состав их пользователей: чаще всего это уже не носители, а всего лишь **спорадические** пользователи, употребляющие жаргонные включения “цитатно”, как своеобразную текстовую инкрустацию. Впрочем, сам факт использования жаргонизмов отнюдь не говорит о действительном владении нормой данного социолекта. Так, контекст *кого-то восхваляют, кого-то мочат* (это не мои слова!), *понят* (под-

¹³ В языке современной чешской публицистики широкое распространение получило, например, заимствованное из сленга финансистов, экономистов, криминальных слоев существовавшее *tunel* ‘туннель’, используемое, однако, в значении ‘тайные пути хищения денег, например, из банка, предприятия и т.п.’; ср. его производные: *tunelovat*; *tunelování*; *vytunelovat*; *vytunelovaný*; *vytunelování*; *tunelář*; *tunelářský* и пр. Приведем примеры, извлеченные всего лишь из одного номера экономического журнала “Euro”. 12/1999: *napadený zákeřným virem tunel*; *v němž se tuneluje špatně*; *tunelovat nějakou společnost*; *Slovo "tunelování" se stalo jedním z nejčastěji používaných termínů při popisu českého hospodářství*; *"vytunelované fondy: seznam tunelářských praktik*. Обращает на себя внимание некоторое формальное и смысловое сходство между чешским и русским сленгом: *šít něco na někoho*; *podmáznout*; *odvázat se*; *najždět* и т.п. (соответственно русск.: *шить* (дело) ‘обвинять в чем-либо’; *подмазать* кого-нибудь ‘подкупить кого-нибудь’; *отвязаться* ‘гульнуть’; *наезжать* ‘угрожать’; *шантажировать*’ и пр.).

черкнуто нами. – Г.Н.) НТВ-Новости. 1999 (пример взят из интервью председателя Центральной избирательной комиссии А. Вешнякова) интересен тем, что, с одной стороны, говорящий, употребляя жаргонизм "*мочить*" 'убивать' как бы дистанцируется от него (*это не мои слова!*); с другой стороны, он явно интерпретирует его буквально (ср. комментарий *топят*), т.е. не как 'убивать', а как 'опускать в воду, вообще в жидкость'.

Употребление в узусе СМИ сленговых включений чаще всего диктуется определенным коммуникативным намерением, т.е. является актуализованным, функционально обусловленным и, следовательно, контролируемым автоцензурой. Так, например, в речи некоторых публичных политиков это отражает продуманную популистскую речевую стратегию, продиктованную прагматичным намерением "вписаться" в предполагаемый речевой стандарт определенного социального пласта населения, быть у него коммуникативно успешным и как следствие этого – привлечь его на свою сторону; ср.: "*Кинет*", "*замочит*" и так далее – это лексика общества. Премьер говорит на доступном (подчеркнуто нами. – Г.Н.) обществе языке. НГ. 39-д/1999, статья социолога, ар. Или же: *сейчас у международных финансовых институтов, несмотря на то, что мы с ними сделали – а мы их кинули на 20 миллиардов долларов...* НГ. 38/1998 (фрагмент из интервью А. Чубайса). Сходный характер имеет и употребление элементов молодежного сленга представителями самых разных генераций; ср. своеобразное речевое "кокетство" великовозрастного высокопоставленного правительственного чиновника: *Если банк начинает себя вести нездорово; проектов у нас навалом; предприятие кладут на спину и полный привет, ничего не шевелится; вот таким макаром все можно сделать.* РТР. 1994, программа "Без ретуши". Или же из интервью главного редактора одной из популярных московских газет (ТВ. 1994): *Ну, написали лажу; У нас бывает большевистский закидон; Я понимаю: во Франции столько жратвы; Американцы кумекать начали; Я могу перспективно послать (обругать. – Г.Н.); сумма не хилая.* Эхо. 1999, интервью со знаменитым адвокатом. Ср. также: *Целый год россиянам вешали лапшу на уши.* НГ. 2/2000, оч., ар.; *от звуков которых тащится молодежь.* АиФ. 1–2/2000, оч., ар.; *новая поросль тут же начала балдеть, оттягивалась не по-детски.* АиФ. 1–2/2000, оч., ар.; *Теперь, когда все устаканилось, выравнилось* (о присвоении кинопремии "Ника" – Г.Н.). НТВ. 1999, инт., рп.; *если что, Эхо Москвы всегда на стреме* (спортивный журналист по поводу трансляции матча). Эхо. 1997 (в данном случае представлено включение из воровского сленга) и пр.

Думается, что со временем какая-то часть этой лексики или выйдет из употребления, или будет переосмыслена, т.е. войдет в лексический состав языка с новым значением. Симптомы этого уже имеются; ср.: *самарские СМИ ретиво стали "шить" УФСНП "политику", заклеили позором.* НГ. 7/2000, оч., ар.; *там заправляют его ребята, которые и дают ему цифры и идейные наводки.* НГ. 7/2000, оч., ар.; *Не буду, впрочем, строить из себя крутого знатока вопроса, хотя это и первое дело для журналиста.* НГ. 5/2000, ст., ар. и пр. Иногда сленгизм и его литературный аналог используются в тексте параллельно, для контраста: *Всякий раз, когда речь заходит об Алишере Усманове, сведущие люди, понизив голос, начинают сыпать "кликухами" уголовных "авторитетов" вперемишку с фамилиями, которые благодаря телевидению и газетам на слуху у каждого.* НГ. 11/1999, оч., ар. Примечательно смысловое пересечение омонимов *авторитет* 'влиятельный, уважаемый, компетентный человек' и отпочковавшегося от него *авторитет* 'влиятельный вор, вор в законе'; ср. в интервью председателя Государственной Думы Г.Н. Селезнева (Эхо, 1999): *нужно использовать чеченских авторитетов – (интервьюер) простите, это звучит двусмысленно* (подчеркнуто нами. – Г.Н.) – *Ну, авторитетных людей.* В данном случае вторичное, сленговое значение лексемы фактически потеснило значение первичное.

Расширение сферы функционального использования любого идиома, в том числе и тех, о которых здесь шла речь, не проходит для него бесследно, оно так или иначе "оплачивается". Так, феномен обеснá čeština "оплачивает" потенциальное повышение своего социолингвистического статуса (использование его в качестве общенационального разговорного идиома или же в сфере культуры) нивелировкой некоторых региональных собственно чешских признаков (начального *ou*; *v* протетического; последовательного *ej* вм. *y*, *i* и пр.). Нечто подобное происходит и со сленгами.

Дисперсное функционирование социолоктов в каком-то смысле может искажать реальную языковую картину, создавая иллюзию "живучести" феномена там, где на самом деле речь идет лишь о некоем фантоме. Так, некоторые виды криминального жаргона со временем растворяются в молодежном сленге или же попросту уходят на периферию языкового обеспечения, и лишь отдельные их компоненты сохраняются, выполняя чисто экспрессивную функцию. Вместе с тем буквально на наших глазах появляются новые виды профессионального сленга, например программистов, операторов электронной почты и пр. (см. [Нещименко 1999a]).

Таким образом, изучение языкового материала позволяет говорить о **нарастающем** влиянии разговорной речи на узус репрезентативного языкового употребления. Сказанное отчетливо прослеживается, например, в чешском языке – предметом дискуссии лингвистов является проблема инвазии феномена обеснá čeština в сферу культуры. Так, по мнению А. Стиха [Stich 1975], широкое использование идиома обеснá čeština в языке художественной литературы начинается всего лишь со второй половины 50-х годов XX в., до этого ее роль здесь была периферийной, она служила лишь средством социальной характеристики персонажей. За относительно короткий срок использование этого идиома в языке художественной литературы (в том числе и в авторской речи) приобрело настолько массовый характер, что стало возможным даже говорить о культурной разновидности феномена обеснá čeština (*kulturní obecná čeština*).

Примечательна и ускоренная динамика лексического состава русской сленговой речи. Нередко это даже затрудняет взаимопонимание; ср. диалог в передаче "Акулы пера" (ТВ. 1997), в котором участвуют, с одной стороны, молодые журналисты, использующие сленгизмы; с другой – гость, популярный журналист среднего возраста, имеющий более корректную речевую норму: (молодой журналист) *А если я не волоку?* – (гость реагирует **раздраженно**): *Не понимаю, что Вы хотите сказать.* (Молодой журналист поясняет): *Ну, значит, не разбираюсь*¹⁴.

Отметим, что в русских текстах чаще встречаются **лексические** разговорные включения, хотя возможны и просодические или же морфологические: *да, было дело, засветился однажды песня́ми*. Эхо. 2000, рп., сотрудник радиостанции (нарочитое смещение ударения); *Кич – бесперспективен, он тупик, куда хозяева жизни, избравшие его как эстетику и способ существования, себя же и загоняют. Да какие **хозяева**? Тут уместней вульгарное "**хозяева́**" – почувствуйте разницу*. НГ. 28/1999, рец., ар.; *Как доставались такие **должностя́**, известно*. Эхо. 2000, жур., иронический комментарий. Эпатажные просторечные включения широко представлены в текстах политических комментариев А. Черкизова (радиостанция "Эхо Москвы"; ср.: *нажрались, с какого бодуна, бамажка, выпимиши, стака́бм, пить из горла́* и пр.), которого

¹⁴ Примечательно, что если молодежь 70-х годов широко использовала для выражения восторженных чувств высказывание "*Какая экибана!*", то позднее оно полностью вышло из употребления. Приведем и другой пример, взятый из сленга театральных поклонников: сленгизмы *сыр* – *сыриха* еще не так давно обозначали 'поклонник – поклонница'; современному молодому поколению эти обозначения не известны: в употребление вошли заимствования *фэн*, *фанат* и пр.; ср. фрагмент из телепередачи "Пока все дома" (1997 г.). (Актер Г. Хазанов): *Я ждал после спектакля* (после дебюта его дочери в балетном спектакле Большого театра. – Г.Н.), *как сыр*. Поскольку дочь не понимает, о чем идет речь, следует поясняющая реплика ведущего передачи – *как фанат*.

вряд ли можно заподозрить в сниженной языковой компетенции. Все это является дополнительным подтверждением того, что именно лица с высоким уровнем языковой компетенции чаще всего намеренно допускают речевые вольности, выполняющие вполне определенную смысловую, стилистическую и пр. функцию. Показателен в этом отношении и диалог между врачом и пациентом (пример извлечен из материалов обследования повседневной разговорной речи, проведенного сотрудниками Института чешского языка Чешской АН), в ходе которого врач, чувствуя себя более раскованно, чем пациент, изъясняется более "просторечно": (врач) *takže ten votok ustoupil?*; (пациент) *ten otok ustoupil částečně* (в данном случае разговорным маркером является наличие среднечешского протетического *v – votok* 'отек', отсутствующий в более литературной речи пациента).

В целом можно утверждать, что радикальная эволюция речевых норм в сфере публичной **общезначимой**, т.е. **репрезентативной**, коммуникации чаще всего происходит в переломные периоды жизни социума, при резком изменении общественных устоев, смене социальной и политико-экономической формации. В настоящее время это особенно характерно для стран Восточной Европы, в которых после "шокового" вмешательства в политическую и экономическую жизнь цепной реакцией последовали изменения в культурной, социальной, а также языковой сферах. У социумов с более или менее континуальным политическим и социально-экономическим развитием эти явления могут наблюдаться также, однако там рычаги регулирующего воздействия на речевую культуру используются более эффективно (ср., например, языковой закон Франции, регламентирующий употребление англицизмов и пр.).

Как показало проведенное исследование, динамика языкового обеспечения публичной вербальной коммуникации определяется действием комплекса тесно взаимосвязанных друг с другом факторов: социолингвистических и информационно-коммуникативных. Несмотря на то, что их четкое разграничение не всегда возможно, в целом – и это подтверждает сопоставительный анализ языковых ситуаций различных этносов – социолингвистическая составляющая отличается большей вариативностью, стимулируя появление не только межъязыковых схождений, но и расхождений. Выше мы уже старались это показать на примере чешского и русского языков, иллюстрируя приверженность первого к включениям из разговорного феномена *obesná čeština*; второго – из социолектов. Кстати говоря, именно по поводу социолингвистических рефлексов в языке СМИ чаще всего и разворачивается полемика.

Информационно-коммуникативная составляющая, определяемая во многом уровнем научно-технического обеспечения коммуникации в социуме, напротив, имеет более универсальный характер, поэтому ее проекция на языковое пространство различных этносов выявляет наличие в нем **конвергентных** тенденций.

Вторая половина XX в. ознаменовалась глобальными достижениями научно-технического прогресса, затронувшими практически все мировое сообщество. К их числу несомненно относится использование электронных СМИ, прежде всего радио и телевидения, сделавших возможным информационный охват максимально широкой аудитории (во внутриэтническом и межкультурном масштабе), ускоренное прохождение информационного потока по каналам коммуникативной связи, повышение их информационной емкости и т.п.

Благодаря существенному изменению временных и пространственных параметров информационно-коммуникативных контактов реальностью конца столетия стало образование **единого** коммуникативного и культурного пространства (внутриэтнического и межкультурного), в рамках которого не только разворачивается межкультурное и межъязыковое взаимодействие этнических общностей, их интеграция, но и, что чрезвычайно важно, осуществляется **мгновенная** вербальная коммуникативная связь, ориентированная на **активную интеракцию** с адресатом. Мы намеренно акцентируем факт мгновенности и интерактивности общения, поскольку это существенно влияет на характер языкового обеспечения.

Превращение электронных СМИ в **доминирующий** информационный канал¹⁵ способствовало значительному возрастанию роли устной вербальной коммуникации, что несомненно является **универсальной** тенденцией развития современной языковой ситуации в мире. Исследование данной тенденции в широком контексте этнической вербальной коммуникации имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно если учесть масштабы ее влияния на современную речевую культуру, на динамику речевого стандарта публичной коммуникации. Немаловажной является и ее значимость для внутриязыкового развития, в частности для формирования новых номинационных, в том числе и словообразовательных тенденций, возрастания продуктивности уже существующих схем и способов словопроизводства.

Одним из важных последствий использования электронных медиальных средств как главного транслятора информации явилось повышение социолингвистического статуса **устного** литературного языка, существенное увеличение диапазона его употребления.

Формирование устного литературного языка как средства интерперсонального и публичного общения относится к середине XIX в., когда возникла осознанная потребность в подобном идиоме, определилась сфера его функционирования. Свою роль в этом сыграло возрастание культурно-просветительской и общественной активности социума, наличие этноязычной интеллигенции, а также интеллектуальной среды общения (система образования с использованием этнического языка как языка обучения, а не только как предмета изучения, появление просветительских обществ, кружков по интересам, общественно-политических организаций и пр.).

В отличие от письменного литературного языка, получившего статус идиома общезначения к середине XIX в., т.е. ко времени появления прессы, устный литературный язык приобрел этот статус существенно позже – лишь во второй половине XX в., что напрямую связано именно с электронными СМИ.

Так или иначе, ныне обе разновидности литературного языка могут служить средством хранения и распространения культурных ценностей, причем как в синхронии, так и диахронии. Это несомненно является важным событием в эволюционном развитии этноса, свидетельствующим о его цивилизационной зрелости, росте этнического самосознания и консолидации социума, повышении языковой компетенции его членов.

Важно подчеркнуть, что к концу столетия устный литературный язык не только приобрел общезначимый статус, но и стал играть **главенствующую** роль в сфере публичной общезначимой коммуникации¹⁶.

Невзирая на сказанное, вряд ли можно утверждать, что оценка феномена устного литературного языка соответствует его реальной значимости в системе этнической коммуникации. Долгое время он вообще находился на периферии исследовательского интереса, так как воспринимался всего лишь как **озвученное** воспроизведение письменного литературного текста, т.е. по сути не был самостоятельным научным объектом. При этом в достаточной мере не учитывалось, что способ воспроизведения текста

¹⁵ Интересные статистические данные по этому поводу приводит болгарская исследовательница И. Ликоманова. Опираясь фактами социолингвистического обследования болгар, она отмечает, что радио слушают 90,2% населения (причем 60–64% населения это делают ежедневно: 48% – для того, чтобы получить информацию, 13% – по привычке). Что касается телевидения, то 72,6% населения его смотрят ежедневно (при этом 29,7% потребителей интересуются информационными программами). Ежедневно читают газеты 48,3% населения [Ликоманова 1998: 213].

¹⁶ Использование глобальных компьютерных сетей и, в частности, Интернета, хотя и активизировало письменную коммуникацию (примерно 90% распространяемых через Интернет текстов имеют письменную фиксацию), однако характерные для этого вида общения тексты имеют весьма специфическую языковую норму, в них прихотливо сочетаются особенности как литературной, так и разговорной речи, в том числе и профессионального сленга. Зачастую они являются результатом целенаправленной стилизации. Впрочем, подробнее останавливаться на этом вопросе мы здесь не будем, так как он требует специального изучения.

отнодью не является чисто механическим фактором¹⁷. Не случайно различия между письменным и устным литературным языком заметны практически на всех уровнях языковой системы: в морфологии, словообразовании, синтаксисе, лексике и т.п., причем носят они не только количественный, но и качественный характер. Разнится, разумеется, и сфера функционирования обеих разновидностей литературного языка.

Норму устного литературного языка отличает от нормы письменного, помимо прочего, меньшая строгость (но не отсутствие!) кодификационных предписаний, более свободный порядок слов, упрощенная структура предложения, иное логическое членение текста, специфические просодические особенности, большая вариативность языковых средств, сниженная частотность употребления некоторых частей речи, например причастий и особенно деепричастий¹⁸, большая экспрессивность высказывания, специфический набор вариативных словообразовательных средств и т.п.

Обращает на себя внимание двойственность природы устного литературного языка: будучи **литературной** манифестацией, он, с одной стороны, как бы отграничен от не-литературных идиомов (в отличие от них он, например, имеет монологическую, а не диалогическую текстовую структуру); с другой, как идиом **устный** он поставлен в условия постоянного соприкосновения с остальными устными феноменами со всеми вытекающими из этого последствиями. И действительно в сфере устной коммуникации, являющейся зоной пересечения двух важнейших коммуникативных ареалов (высших коммуникативных функций и непринужденного повседневного общения – см. [Нещименко 1999а]), используется широкий спектр форм существования языка, нередко конкурирующих друг с другом.

Большая открытость устных литературных текстов по отношению к разговорной стихии способствует распространению в узусе публичной коммуникации разговорных включений, что в свою очередь не может не сказываться на динамике правил речевой эстетики. Не случайно в узусе современной вербальной коммуникации, в том числе и в языке СМИ, столь широкое распространение получили так называемые **смешанные** тексты, включающие в литературные в своей основе тексты те или иные элементы разговорных идиомов.

Появление смешанных текстов может быть обусловлено как намеренной, так и спонтанной междиомной интерференцией. Причем речь идет либо об **актуализованной** цитации, несущей вполне определенную смысловую или же стилистическую нагрузку, либо о **смещении** элементов разных норм в силу специфики индивидуальной языковой компетенции. В последнем случае коммуникант автоматически проецирует имеющиеся у него речевые навыки на порождаемый им текст, независимо от того, в какой коммуникативной ситуации он будет использоваться.

Удельный вес и частотность смешанных текстов зависят от характера публицистического жанра. Так, например, в информационных, новостных текстах они по вполне понятным причинам встречаются реже, чем в интервью, рецензиях, фельетонах, "авторских" программах и т.п., где более выражено индивидуальное, личностное начало. Каковы бы ни были причины появления смешанных текстов, этот факт говорит о снижении авторитарности кодификации, которая уже не может служить надежным заслоном от влияния разговорной стихии.

Нельзя, однако, не отметить, что даже при реализации всех необходимых для успешного функционирования устного литературного языка условий формирования устойчивых навыков "культурного" публичного говорения (а именно это свидетель-

¹⁷ Известно, например, что раннеписьменные произведения древнегреческой литературы, предназначавшиеся для чтения вслух (грамотность населения, по мнению специалистов, составляла в то время всего лишь 2–3%), имели более прозрачную композицию и упрощенный синтаксис по сравнению с письменными текстами конца XIV в., рассчитанными уже не только на слушателя, но и на читателя.

¹⁸ Ср. произвольно вырвавшееся у ведущего музыкальной программы на "Эхо Москвы" деепричастие *пущи* в контексте: *Верди, пущи свои оперы. Эхо. 1999.*

ствуется" об **активном** владении идиомом), может запаздывать¹⁹. Это особенно проявилось во второй половине 80-х годов, на которые практически во всех странах Центральной и Восточной Европы пришелся пик общественной и вербальной активности (митинги, манифестации и пр.), сопровождавшийся резким возрастанием потребности в устном публичном общении. Положение усугубляло и то, что именно в это время предпочтительными стали публичные выступления без заранее подготовленной, а зачастую и отредактированной письменной версии текста, т.е. "без бумажки".

В создавшейся ситуации отчетливо проявилась иллюзорность установления прямой взаимосвязи между уровнем полученного образования и степенью владения литературной нормой, а также неправомерность слишком "щедрого" присвоения статуса "носитель литературного языка". Как показывает практика, наличие высшего образования нередко является всего лишь формальным показателем и отнюдь не гарантирует активного владения нормой литературного языка, т.е. способности самостоятельно, на основе автоцензуры, без помощи редактора, порождать корректный литературный текст. Подтверждением этого служит снижение численности реальных носителей литературной нормы по сравнению с возрастанием количества пользователей данного языкового феномена. Фактом является и то, что для **активного** владения устным литературным языком необходим весьма высокий уровень языковой компетенции.

Устные СМИ имеют важные преимущества перед печатными: транслируемая с их помощью информация обычно доступнее для восприятия, она не требует от массовой аудитории ни специального времени, ни особых денежных затрат, ни профессиональной подготовки²⁰. Вместе с тем они обладают и своей спецификой, которая важна не только для радио- (теле-) журналистов, но и для определения направленности языкового воспитания.

Преимущественно "слуховое" восприятие текста влечет за собой появление и типично "слуховых" ошибок типа *дивиденты* (вм. *дивиденды*); *презумность* *невиновности* (вм. *презумпция*); *постановление дезавулирует* (вм. *дезавуирует*); *тет на тет* (вм. *тет а тет*); *константировать* (вм. *констатировать*) или же: *полюс* вм. *полис*; *лазарь* вм. *лазер*; *тусовать карты* вм. *тасовать* (в последнем случае представлена ошибочная мотивация через популярное ныне *тусовка* 'компания, сборище'); ср. также смешение лексем *иммигрант* и *эмигрант* и др.

Устное воспроизведение текста нередко выявляет погрешности в языковой компетенции говорящего, скрытые при графической фиксации текста (например, ошибки в склонении сложных числительных, в постановке ударения, в интонационном рисунке фразы, в произношении и пр.). Так, например, ведущий радиостанции "Эхо Москвы" после безуспешных попыток просклонять сложное числительное 658 во фразе с 658 людьми беспомощно смиряется: Ну, в общем с *шестьсот пятьдесят восемь* людей. По нашим наблюдениям, редкий профессиональный журналист или же диктор радио и ТВ умеет склонять сложные числительные; ср.: в *размере **восьмиста** двадцати долларов* (Радио. 1994); *около **шестиста** ученых* (ТВ. 1993); *не хватает около **пятьсот** девяти* (Радио. 1993); *около **трехста** градусов* (ТВ. 1993); *около **пятиста** нарушений* (ТВ.

¹⁹ Ср. следующее высказывание: «Кто в основном выступает на пленумах? Те, у кого подвешен язык, кто на этом, простите, собаку съел. Почему, думаете, молчит "союз рабочих и крестьян"? Не хотят они нарушать трибунного правильного литературного языка. Кто же хочет на весь Союз прослыть таким "мужланом"?» Комс. пр. 1989.

²⁰ "Странно, что до сих пор о радио забывали. Радиосигнал доступен, радиоинформация оперативна, радиоголоса узнаваемы. Радиостанцию трудно уличить во лжи – там не много расследований, трудно обвинить в оскорблении чести и достоинства – там мало комментариев, зато на радио много гостей эфира, которых легко выстроить в идеологическую цепочку. Наконец, обслуживание радиостанции дешевле выпуска газеты и съемки телепрограммы, а слушательская аудитория вполне сопоставима с телевизионной и много больше читательской" НГ. 27/1999, оч., ар.

1992). Не случайно в ходе экспериментального уличного опроса, осуществленного в начале 90-х годов ленинградским ТВ (по стечению обстоятельств практически все респонденты имели высшее образование), лишь один человек сумел правильно про-клонять предложенное ему сложное числительное.

Очевидным становятся и отклонения от общепринятой постановки ударения. При-мером этого могут служить профессионализмы типа *Мурма́нск, компа́с, осужде́нный, дело возбу́ждено, лечение опухоле́й, призы́в* (военный сленг) и мн. др. При общении в профессиональной, т.е. корпоративной среде, подобное смещение ударения является стилистически нейтральным как для говорящего, так и для слушающего, однако за пределами данной среды это "режет ухо", т.е. воспринимается как ошибка. Так, раз-драженную реакцию радиослушательницы ("Эхо Москвы". 1997) вызвало произне-сение врачом в прямом эфире фразы *лечение опухоле́й*. Примечательно, что в диалоге профессионального юриста и журналиста (ТВ. 1999 г.) первый последовательно произносит *осужде́нный*, второй – *осужде́нный*. При устном воспроизведении текста становятся заметными рефлексы исходного регионального субстрата; ср. *нача́ть, при́нять* или же устойчивое произнесение врачом (медицинская беседа на радио "Эхо Москвы". 1996 г.), *ларинголо/x/, хирур/x/, гинеколо/x/* (им. ед.), т.е. с фриктивным *г* (во мн. ч. последовательно соблюдалось *г* взрывное).

Ниже мы выборочно остановимся на некоторых функциональных особенностях СМИ (прежде всего устных), существенных для динамики речевого стандарта в сфере публичной коммуникации:

1. ПРАГМАТИЧНОСТЬ И АДРЕСНОСТЬ ЯЗЫКА СМИ

Вербальное обеспечение медиальных средств тесно связано с их целевой уста-новкой: используя каналы коммуникативной связи, не только донести (по возможности без потерь) информацию до **максимально широкой** аудитории, но и оказать на потен-циального адресата эмоциональное, психическое, идеологическое и пр. воздействие с тем, чтобы привлечь его на свою сторону.

Для успешного выполнения этого коммуникативного намерения необходимо, чтобы передаваемая информация была **адресной** как по характеру сообщаемой информации, так и по ее языковому воплощению. Это значит, что она должна быть доступной для потенциального массового, общенационального адресата, без этого коммуникативное и речевое взаимодействие адресанта и адресата не будет достигнуто, что неизбежно приведет к нежелательным информационным и другим потерям.

Указанная прагматичность и адресность особенно бросается в глаза, когда тот или иной информационный канал (или же информация) ориентирован на какой-то опре-деленный социальный или же генерационный слой – чаще всего это молодежные программы или же специальные молодежные радиостанции и т.п. Яркой иллюстрацией сказанного является, например, газета "Московский комсомолец", где довольно часто копируется молодежный сленг; ср.: *Как и предполагалось, все оттянулись на полную катушку. К сожалению, это был не обычный турный концерт, в ходе которого пилл накрывает цунами из жутких спецэффектов. Тем не менее фэнам за их денежки более чем внятный звук обеспечили.* МК. 1999 (рубрика "Звуковая дорожка"). При-ведем пример радиорекламы ("Эхо Москвы". 2000), предназначенной для молодежи: *Это МТС! У нас для вас хорошая новость! Клёвый молодежный тариф. Ваша тусовка всегда на связи.*

В зависимости от возрастной принадлежности аудитории чешская исследователь-ница О. Мюллерова предлагает разграничивать два вида вещания: частные радио-станции, ориентированные, главным образом, на молодежь до тридцати лет (чаще всего это посетители парикмахерских и косметических салонов средней руки, шоферы автобусов и под.); государственное радиовещание, адресованное лицам среднего и старшего возраста. Дифференцированным является и использование языковых

средств: в первом случае это столь типичное для современного устного узуса смешение кодов или же варьирование в рамках одного и того же высказывания литературных и нелитературных форм; во втором – преимущественное соблюдение литературной нормы, более нейтральной в эмоциональном отношении, с выраженным стремлением к построению культивированного текста [Müllerová 1996: 204–205].

2. СИЮМИНУТНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА В УСТНЫХ СМИ

Важной особенностью устных СМИ является сиюминутность, одномоментность коммуникативного контакта, т.е. информация должна быть воспринята сразу, "с ходу". В отличие от письменного текста повторное востребование адресатом устного текста (для того, чтобы вникнуть в смысл сказанного, обратиться, наконец, к вспомогательным средствам в виде словарей, справочников и пр.), как правило, не представляется возможным. Исключения составляют случаи, когда один и тот же текст по каким-то причинам повторяется или же воспроизводится в записи.

В силу сказанного вербальное оформление устного текста в СМИ должно быть настолько сближено с узусом предполагаемого адресата, с его языковой компетенцией, чтобы он мог его сиюминутно воспринять. Это изначально предполагает **снижение** языковой "планки" коммуникации, сближение его с массовым узусом, что не может не отражаться на речевом стандарте. Учитывая это, какие бы то ни было речевые "изыски", равно как и злоупотребление специальной терминологией или же заимствованиями в устных медиальных средствах попросту не уместны. В противном случае адресат либо не воспримет информацию, либо она дойдет до него со значительными потерями и искажениями²¹.

В этой связи особую остроту приобретает проблема заимствований, так как столь нежелательная для СМИ утрата информации может происходить и из-за чрезмерного употребления еще не освоенных носителями языка заимствований, чем, кстати, весьма грешит современная публицистика. Заметим, что поток заимствований может поступать в литературный язык и через некоторые социолекты (молодежный жаргон или же, например, новый вид сленга системных операторов, пользователей электронной почты и т.п.)²².

Массовый приток иностранных слов, прежде всего англицизмов, ставший одной из сопутствующих примет культурно-экономической интеграции, является порой настоя-

²¹ Ср. следующее высказывание: «ведущие политических и особенно экономических программ, увлекаясь супертерминами и упиваясь собственной осведомленностью, напрочь забывают о тех, ради кого, собственно, снимаются передачи. То есть – о зрителях. ... А ведь молодой российской журналистике ныне свойственно напускать туманных терминов, хвастаться всякими непонятными выражениями, запутывая и запугивая своих зрителей и читателей. ("Читаю профессора Сорбонны Андрея Синявского – ну все понимаю! Читаю студентку второго курса журналистики Н. – ну ни хрена не понимаю!" – жаловался кто-то из моих умных знакомых)». НГ. 8-д/2000, заметка, ар.

²² В силу специфики исторических условий жизни чешского этноса, в частности длительности непосредственных языковых контактов с немецким этносом, чешская разговорная речь включает немало германизмов. В литературном чешском языке в этом случае, напротив, предпочтение обычно отдавалось отечественным эквивалентам. Небезынтересен следующий пример, взятый из текста художественного произведения, где намеренно "обыгрывается" оппозиция чешского и немецкого эквивалентов (*ploché nohy* – *plafus* 'плоскостопие'): «*"Tupožráké levé oko, ploché nohy, c.d. klasifikace", ohlásil Kefalín podle pravdy pomalu a rozvážně, jak měl ve zvyku. – "A ták" řekl desátník trochu zklamaně, "já už se těšil na kdovíjak skandální historku a ty na mne vylezeš s plafusem!"*». (Švandrlík). В данном случае воспроизводится диалог в армейском лазарете. Первая реплика принадлежит новобранцу, сообщаящему о поставленном ему диагнозе: "Пониженная острота зрения в левом глазу, плоскостопие"; вторую реплику произносит младший сержант: «"Эхе-хе", – произнес разочарованно младший сержант: "Я-то уж думал, что речь идет о какой-то скандальной истории, а ты лезешь со своим плоскостопием"».

щим бедствием²³; ср.: *Спринтеры начали кататься на клабах (слэп-скейтах)*. НГ. 14/1999, инт., рп. (в тексте дается пояснение: *слэп-скейты*, новые коньки); *Современные законы рекламных кампаний и "пиара"* (PR – наблик рилейшнз) диктуют музыкантам особые правила игры. АиФ. 16/1999, заметка, ар.²⁴; *везде в мире мегарекорд лейблы работают с уже существующими, кем-то сделанными артистами*. НГ. 37-д/1999, оч., рп.; *Вряд ли кто узнает ныне в этом раздавшемся в плечах и в шее управленце, настаивающем на репутации менеджера high-класса, того сухонького, почти тощего мэнэеса*. НГ. 24/1998, оч., ар.; *Целый год крутится колесо по промоушену фильмов, претендующих на мировой прокат*. НГ. 29/1999, инт., рп.; *Люди, которым по определению ничего не светит в политике, делают себе промоушн*. НГ. 30/1999, рец., ар. В последнем случае примечательно различное воспроизведение одного и того же заимствования, т.е. с большей или же меньшей степенью приближенности к языку-источнику и соответственно с большим или же меньшим удалением от фонетических особенностей воспринимающего языка: *промоушен/промоушн*. Ср. также дериват *рецепшионистка*, образованный от не типичной для русского языка заимствованной основы: *На работу за границу приглашают также в качестве модели, официантки, рецепшионистки, гувернантки и уборщицы*. АиФ. 18/99, заметка, ар.

Возможные негативные последствия использования неосвоенных заимствований особенно очевидны в устных СМИ, поскольку слушатель при мгновенном восприятии текста может просто не понять смысл, тем более когда заимствование воспроизводится в не свойственной русскому языку огласовке (например, со скоплением согласных в исходе слова): *никакого экина*. Эхо. 2000, кинорец. (кстати говоря, в чешском языке в этом случае используется более адаптированное *akční film*). Ср. в письменных текстах: *Нужен был "экин"*. Андрей Кивинев как-то спросил: *Экин – это когда стреляют?* НГ. 10/2000, рец., ар. и рп.

Перенасыщение современной речи англицизмами²⁵ становится ныне важной языковой и социальной проблемой. Иногда дело доходит даже до крайности, когда ученые некоторых стран Восточной Европы вполне серьезно заявляют о возможности этно-английского двуязычия (при соответствующем разграничении функций). На наш взгляд, эта точка зрения не только спорна по существу, но и опасна потенциальным возникновением конфликтных ситуаций (исторические примеры этого известны и из практики национально-языкового строительства в СССР).

²³ В некоторых случаях авторы (и, разумеется, редакторы) письменных текстов, копируя буквально английскую конструкцию, даже не дают себе труда подыскать соответствующий русский эквивалент: (заголовок статьи) *Некурящие рейсы Аэрофлота* (вм. *Рейсы для некурящих*), впрочем, далее в тексте все же используются кавычки: *Авиакомпания "Аэрофлот – Российские международные авиалинии" с 15 мая 1998 г. ввела "некурящие рейсы". Статус "non-smoking flight" присвоен 13 рейсам* (журнал "Аэрофлот", июль 1998 – многие из статей этого издания, хотя и написаны русскими авторами, производят впечатление русского подстрочника к английскому оригиналу).

²⁴ Ср. также: *Дамы в вечерних туалетах и знатные PR-мены общались, выпивали и политесничали*. АиФ. 6/1999, заметка, ар.; *PR-агентство*. НГ. 23/1999, оч., ар.; *знаменитый PR-центр*. НГ. 23/1999, оч., ар.; *даже знающим, как надо делать PR*. НГ. 23/1999, оч., ар. Впрочем, процесс освоения заимствования развивается довольно быстро – об этом говорит, в частности появление производных от *пиар* типа *пиарщик/пиаровец* (в данном случае можно наблюдать словообразовательную конкуренцию); *пиаровский*; *пиарить*; *перепиарить* (ср. в контексте: *с поездкой Путина перепиарили*. НТВ-Итоги. 2000, кор.).

²⁵ Впрочем, иногда использование в одном контексте русского слова и его заимствованного эквивалента несет функциональную нагрузку; ср.: *фейсы томных красавиц и толстых спонсоров не вытесняли из крохотного зеркального театра сада "Эрмитаж" лица, более обремененные интеллектом*. НГ. 2/2000, рец.

3. УСРЕДНЕННОСТЬ, МАССОВИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО СТАНДАРТА СМИ

Опасение коммуникативных потерь, вполне возможных при **сиюминутном** восприятии информации, а также интересы установления речевого и эмоционального контакта с максимально широким кругом адресатов делают неизбежной, как уже отмечалось, установку на некоторую **усредненность** речевого стандарта, рассчитанного на **массовую**, а не элитарную языковую компетенцию. Впрочем, эта "усредненность" может варьироваться в зависимости от жанровых особенностей текста (новостные программы, комментарии, литературные или же театральные рецензии и обзоры, диалоги со слушателями/зрителями по телефону или же в "прямом эфире", анонсы, рекламы и т.п.).

Массовизация, усреднение речевого стандарта наглядно проявляется и в языке рекламы, представляющей собой одну из специфических разновидностей массовой коммуникации, с отчетливо выраженной прагматичностью и адресностью. Заметим, что язык рекламы довольно точно отражает некоторые особенности современной языковой ситуации: по сути речь идет о цельных минитекстах с четко обозначенной коммуникативной стратегией.

Особый интерес в этом отношении представляет отечественная реклама. Переживая период своего становления, она еще не обрела свою стилистику, поэтому, с одной стороны, здесь копируются западные образцы (соответственно с использованием множества заимствований), нередко не совпадающие с мировосприятием потенциального российского потребителя; с другой, "педалируется" доверительность, непринужденность, даже "разухабистость" общения с включением жаргонизмов, просторечья и пр. (впрочем, иногда это делается из эпатажа, желания шокировать и тем самым пробудить интерес потребителя к рекламируемым изделиям)²⁶.

Для имитации непринужденности общения, особенно в устной рекламе, нередко используется диалогическая речь (в том числе и с применением "ты-форм"). В письменной рекламе недостаток выразительных возможностей иногда компенсируется фиксацией интонационных особенностей устной речи; ср. текст настенной рекламы в г. Бенешов в Чехии, с радостью извещающей о скором выходе газеты (1997 г.): *Od zří denně. Pohoda. Kóóópeňě!:* (С сентября ежедневно. Вот здорово! Наконец-то! – перевод наш. – Г.Н.). В рекламах на ТВ, помимо вербального ряда, используется и клиповая техника.

Приведем тексты некоторых реклам первой половины 90-х годов: *Немецкая кухня! Обалденный сервис!* ТВ; *Халывщик ты, Леня* (реклама периода пресловутой МММ). ТВ. 1994; и *на́ликом* (т.е. наличными деньгами. – Г.Н.). ТВ; я поехал за *шмотками* в Турцию. *Крутой навар* получился. ТВ. К более позднему периоду относятся следующие тексты: (о спрейте) *он не придаст мне крутизны*. ТВ. 1999; *Разыгрался аппетит – не тормози, сникерсни*. ТВ. 1998; *О, Моцарт, просто так ты получил? На халыву?* Эхо. 1999 (реклама бальзама Биттнера); *Шестьдесят баксов и ты выглядишь круто!* Эхо. 1996; (о напитке "Миринда"): *Жизнь хороша, оттянись не спеша*. ТВ. 1999; *Наши мультики самые клевые в мире*. Эхо. 1999 (ср. использование стилистического регистра *классный, прикольный, вкусный* в рекламе сока по ТВ. 2000); *У нас самые клевые цены*. Эхо. 2000; *Это убойная комедия*. Эхо. 1999, реклама театральной постановки и мн.др. В текстах реклам нередки и языковые ошибки, например, *Я беру одну драже* (вм. *одно драже*). ТВ. 1998; *призёмистый* (вм. *приземистый* – в рекламе автомобиля). ТВ. 2000.

²⁶ Ср. раздраженную оценку узуса реклам в прессе: «"Наша жизнь прогнет кого угодно", "оттянись", "сникерсни!". Думаете, это молодежно-тинейджерский жаргон? Как бы не так, на сегодняшний день это самый что ни на есть нормативный русский язык – в рекламных картинах. Потому что пока нет более мощного средства агитпропа, чем телевидение, и нет ничего более усердно им тиражируемого, чем подобная лексика (за нее рекламные деньги платят; и телеведущие не отстают)». НГ. 27/1999, ст., ар.

По характеру речевой коррекции письменные и устные СМИ существенно отличаются друг от друга.

Тексты письменных СМИ проходят или во всяком случае должны были бы проходить через **двойной** фильтр языковой коррекции: внешнее редактирование (внешняя языковая "цензура") и автоцензура, т.е. речевая саморегламентация. Разумеется, было бы наивным думать, что это может полностью гарантировать как от появления ошибок, о чем будет сказано ниже, так и от не всегда оправданных иноидиомных включений, т.е. жаргонизмов, вульгаризмов и т.п. Что касается последних, то в письменном тексте они нередко сопровождаются соответствующими графическими сигналами, например кавычками, выделяются тем или иным видом шрифта и пр., что делает их более заметными в общем текстовом потоке и одновременно сигнализирует о некоторой дистанцированности от них автора. По мере освоения этой лексики необходимость в подобных маркерах обычно отпадает.

В устных СМИ практически **единственным** вербальным регламентатором является автоцензура, строгость которой в конечном итоге зависит от языковой компетенции говорящего²⁷. В связи с этим для построения корректного с точки зрения литературной нормы устного текста необходим **более высокий** уровень ответственности говорящего, равно как и более высокий уровень его языковой компетенции, что на практике встречается далеко не часто.

Таким образом, с точки зрения соблюдения литературной нормы устный текст более уязвим, чем письменный. Немаловажное значение имеет и психологический фактор. Так, например, при анализе текстов радио- и теледебатов (материалы Института чешского языка ЧАН) можно заметить, что по мере нарастания усталости собеседников эффективность речевого контроля (перед телевизионной камерой, перед микрофоном) снижается, они начинают допускать больше погрешностей в литературной норме, у них все чаще проскальзывают элементы более привычного для их узуса идиома обесná čeština.

Высказанные выше соображения особенно актуальны, если учесть доминирующее положение устных СМИ в системе публичной вербальной коммуникации, а также то, что встречающиеся в их узусе ошибки с помощью радио и телевидения широко тиражируются, в силу чего они либо вызывают болезненную реакцию слушателей и зрителей²⁸, либо становятся дурным примером для подражания. Все это делает очевидным важность повышения культуры **устного** литературного слова.

Как следует из наблюдений, литературная норма обычно строже соблюдается на государственных каналах, чем на коммерческих, поскольку на последних преобладают "личностные", авторские передачи с преимущественным участием не дикторов, а ведущих программ. Некоторые коммерческие радиостанции пытаются удержать свою слушательскую аудиторию, демонстративно и даже несколько назойливо подделываясь под ее речевой узус.

²⁷ Роль внешней цензуры с определенной долей условности могут выполнять претензии, высказываемые слушателями (ср. телефонный звонок в ТВ-студию во время передачи "Третий глаз": *"Почему Вы приглашаете таких неграмотных собеседников?"*), однако, как правило, эти реплики не соотношены во времени с речевым актом и поэтому не могут повлиять на качество текста.

²⁸ В этом отношении красноречив следующий пассаж из статьи литературного критика: «Виноват ли телеэкран, принужденный транслировать нынешний феномен – крайне странное употребление предложного "о": "в смысле о том...", "доказать о том..."? С большим удовольствием прошоаю, скажем, думца Бабурина ("О чем они обижены?"), с еще большим – Станислава Терехова ("осмотрелся о том окружении"). Но огорчает Чубайс ("тема о том"), Явлинский ("посмотрите о том"), тем паче, вымолвить страшно, Радзинский ("в курсе о том"). Еще огорчительней, хоть, признаю, и эгоцентричней, что – ловлю у гигантов эпохи блох, а жена говорит мне: "Стой! Как ты сейчас сказал?...". Готово. И я инфицирован». НГ. 1997.

Разумеется, и в устных СМИ есть передачи, находящиеся под двойным контролем авто- и внешней цензуры, т.е. более "привязанные" к письменной текстовой основе. Мы имеем в виду информационные сообщения, некоторые пафосные тексты и пр., однако это их зачастую не спасает от различного рода "ляпсусов", жаргонизмов, клише и пр., нарушающих корреспонденцию между речевым и коммуникативным стандартом. Ср.: *Сейчас выступит академик, видный специалист в области социологии, профессор Бестужев-Лада, который ответит на вопросы с подачи нашего корреспондента* (вступительный комментарий ведущего радиопрограммы "Маяк", 1995); *Патриарх Алексий II взял тайм-аут. Он будет жить на своей даче.* Эхо-Новости. 1997 (эта информация многократно повторялась в течение дня); *Директор-распорядитель МВФ взял тайм-аут.* Эхо-Новости. 1999, вед.; *передачи Андрея Максимова сегодня не будет, он взял себе небольшой тайм-аут.* Эхо. 1999, информация об изменении программы передач, вед.; *британские власти взяли тайм-аут и отложили окончательное решение вопроса о судьбе Пиночета.* Эхо-Новости. 2000, вед. Ср. также реплику журналиста во время интервью: *А Вы можете ответить навскидку?* Впрочем, подобные клише встречаются и в письменных текстах; ср.: *Вот навскидку два шедевра.* НГ. 13/1999, оч., ар.; *в конце ноября с подачи Амана Тулеева был неожиданно заменен гендиректор компании.* НГ. 49/1999, заметка, ар.; *Судя по рейтингам ваша программа набирает обороты.* АиФ. 17/1999, инт., журналист; *сидеть на игле МВФ.* НГ. 1998; *Да вся культура американская, от "Макдональдса" до "Диснейленда", рекрутирует эту публику. Посадив их на эту иглу, они имеют своего покладистого восторженного зрителя.* НГ. 44/1999, инт., рп.; *посадить актеров "на иглу" качественной драматической игры.* НГ. 5-д/2000, рец., ар. и т.п.²⁹

Появляются и новые виды клише, ср., например, распространенное ныне выражение *фишка* (возможно, из игорного сленга): (диалог двух ведущих по поводу кулинарного рецепта) *в чем фишка-то?* – (другой поясняет) *В чем смысл?* Эхо. 1999, передача о ресторанной кулинарии; *Главная фишка – ты сам создаешь блюдо, которое кушаешь.* Эхо. 1999, реклама ресторана. Ср. также в письменных текстах: *Блондинка так и осталась отличительной фишкой "Женских историй".* НГ. 44/1999, рец., ар.; *У каждой вокалистки есть какие-то фишки. А Агузарова... Понимаешь, у нее есть такие фишки, которые принадлежат только ей.* НГ. 2-д/2000, инт., рп.; *В Пскове отпевали десантников – по высшей фишке, с большими церковными чинами, в кремле.* НГ. 11-д/2000, ст., ар. – в последнем случае употребление клише диссонирует с трагическим смыслом высказывания. Приведем пример и еще одного нового клише *быть в шоколаде* 'чувствовать себя удовлетворенным': *Вот вы сейчас в шоколаде и не считаете, что это может привести к застою? – Я себя не чувствую в шоколаде. Мы получили неплохие контракты, которые нам позволяют не считать каждый день нашим последним днем в бизнесе, как это было после обвалов 1995-го и 1998-го годов.* НГ. 11/2000, инт., ар., рп.; *И Уткин остался в родной редакции в полном шоколаде.* НГ. 11/2000, ар. (заметка о спортивных программах ТВ).

Для предотвращения языковых ошибок и некоторых стилистических несуразностей в устных СМИ, разумеется, могут быть использованы различного рода "ухищрения" (например, автосуфлер). Возможными являются и предварительное ознакомление с письменной основой текста, консультации с редактором, предварительная запись передачи с последующим ее редактированием, монтированием и пр. Тем не менее вряд ли можно быть полностью уверенным в том, что в "прямом эфире" и вообще в публичном официальном общении при сиюминутном речевом акте непременно прозвучит

²⁹ Ср. пример клише в чешском языке: (интервью кинорежисера Я. Сверака радиостанции "Эхо Москвы" – 12.11.1999): *mdme před sebou horizont možností* или же: *střednědobý horizont.* Euro. 12/1999.

безупречный в языковом отношении текст, что в него не проникнут элементы просторечия, сленга и т.п., отражающие речевые навыки и специфику речевого поведения коммуникантов. Положение осложняется еще и тем, что в отличие от письменного текста в устном практически отсутствуют речевые маркеры (кроме голосового выделения или же введения более или менее пространного комментария), предупреждающие адресата об актуализованном использовании тех или иных языковых средств.

Выше мы уже говорили о том, что доминирующее положение СМИ вообще и устных в особенности повышает требования, предъявляемые к языковой компетенции говорящего, к его общей речевой культуре. В этой связи не могут не вызывать беспокойства некоторые тревожные симптомы, например, снижение качества преподавания литературного языка в школе. Между тем именно школе как институциональному способу освоения языковой культуры должна принадлежать важнейшая роль в **активном** освоении литературной нормы³⁰. Как известно, в России, да и не только в ней, приобщение к литературному языку обычно заканчивается в старших классах средней школы; в высших учебных заведениях происходит лишь закрепление ранее приобретенных навыков.

Негативное влияние на состояние современной речевой культуры оказывает прогрессирующее снижение удельного веса и качества печатной продукции. Это касается как так называемой "книжной", или же "текстовой" культуры, переживающей сейчас кризис, так и письменных СМИ. Номенклатура и тираж последних неуклонно уменьшаются, снижается качество редакторской и корректорской обработки текста. Взамен этого основным средством распространения информации, достижений культуры во все большей степени становится телевизор или же радио³¹, что в свою очередь означает преимущественно "слуховое" приобщение к информации со всеми вытекающими из этого последствиями.

Нельзя не учитывать и ограничение возможностей осуществления централизованного контроля за соблюдением литературной нормы, рассредоточенность очагов воздействия на массовое языковое сознание. За последнее десятилетие распалась единая издательская сеть. На смену ей пришли многочисленные коммерческие мини-издательства (заметим, что даже в небольшой Чехии их, к примеру, насчитывается не менее 300). Некоторые из них в погоне за сиюминутными выгодами и, в частности под давлением таких обстоятельств как необходимость скорейшей окупаемости затрат, быстрой реализации книжной продукции и т.п. не могут или же не хотят уделять должного внимания уровню редакторской подготовки текста, наводняют книжный рынок литературой весьма сомнительного художественного достоинства³².

Не случайно в текстах СМИ встречается немало ошибок, свидетельствующих о неполноценной языковой компетенции авторов, а также о низком уровне редактирования письменных текстов.

³⁰ Книга, СМИ и т.п., по нашему мнению, способствуют приобретению либо **пассивных** навыков владения литературной речью, либо – при благоприятных условиях – закреплению уже имеющихся речевых навыков.

³¹ Ср.: *В последнее время нормальные люди предпочитают газет в руки не брать: во-первых, зачем отчаиваться? А во-вторых, стоит ли тратить? Проще посмотреть телевизор.* НГ. 9/1999, рец., ар.

³² Приведем оценку деятельности подобных издательств в критической заметке в Новой газете (14/1999): "Мне как-то не везет в работе на хорошие рукописи, – жалуется Олег, молодой редактор одного коммерческого издательства. Большей частью – дурной вкус, уровень ниже среднего. Смакование кровавых подробностей, размазывание по стенам кишок и мозгов, постранично разложенные трупы... Тошнит! Но жить на что-то надо" или же: "Авторы путают все: от географических поясов до медицинских понятий, не говоря уже о судебной экспертизе и криминалистике. Один автор хронически путал эмфизему с эндемией... У третьего преступник пытался отравить свою жертву не банальным мышьяком, а перманганатом калия! Если бы он знал, что это простая марганцовка" (Там же).

Приведем выборочно лишь некоторые ошибки, зафиксированные нами в устных и письменных СМИ: (ошибки в заимствованиях) *у нас сложился вакуум безвластия*. Эхо. 1998, рп.; *дело в менталитете сознания*. Эхо. 1999, рп.; *драться на эспандерах* (вм. *эспадронах*. – Г.Н.). НГ. 1999, оч., ар.; *высоких гостей возили на терминальные источники*. НГ. 24/1999, оч., ар. и т.д.; (ошибки в весьма модной сейчас архаической лексике) *он почил в бозе*. Эхо. 1999, инт., рп.; *Едва ли не единственным исключением здесь можно считать Вайкуле, да и то скорее как танцовщицу кабаре, нежели как певицу*. АиФ. 18/1999, оч., ар.; *не пользуется в нашей стране популярностью у власть держащих*. НГ. 6/2000, инт., ар.; (ошибки в использовании современной лексики) *Борис Ельцин накоротке* (в значении 'непродолжительное время'. – Г.Н.) *поговорил с патриархом и тут же уехал*. Эхо. 2000, кор.; *относится ревностно* (вм.: *ревниво*). НТВ-Новости. 2000, вед.; *У меня раньше были длинные волосы, а некоторое время назад я постриглась*. НГ. 24/1999, инт., рп.; *хлеба, напоминающего по форме осетрину, зайца, белочку*. Муниципальная газета "Сокольники. Восточный округ". 1999, заметка, ар. и мн.др.

Некоторые из ошибок нами определяются как **диагностические**: имея массовый характер, они, на наш взгляд, фиксируют напряженные места в существующей кодификации литературного языка, сигнализируя о происходящих изменениях в норме. Возможно, в дальнейшем, разумеется, дифференцированно, здесь будет проведена коррекция кодификации или же будет расширен диапазон варьирования.

К числу диагностических ошибок мы бы отнесли определение рода сущ. *кофе*, которое по аналогии очень часто (особенно в разговорном языке) относят к среднему, а не к мужскому роду; ср. также ошибки в родовом разграничении *обоих* и *обеих* (в *обеих* государствах. Радио. 1995, вед.; в *обеих* конкурсах. Радио. 1995 (организатор конкурса им. П.И. Чайковского); *обеих* собеседников. Радио. 1995, инт., рп.). Трудности доставляет и склонение сущ. *коллега*; ср.: с *моим коллегой* (данная ошибка неоднократно регистрировалась нами в речи комментаторов и ведущих программ на радио). Массовый характер имеют нарушения глагольного управления – приведем лишь несколько примеров в дополнение к указанным выше: *Примаков подтвердил о том*. ТВ-Новости. 1998 (Г.Н. Селезнев); *демонстрировалось о том*. НТВ. 1999 ("Герой дня", С.И. Сорокина); *видели о том*. НТВ. 1999 ("Герой дня", А.И. Музыкантский). Насколько мы можем судить, нечто подобное наблюдается и в чешском языке.

Очень часто наблюдается смешение частиц *не* и *ни*: *тут вовсе ни при чем*. НГ. 42-д/1999, оч., ар.; *Дети-то ни при чем*. НГ. 29/1999, оч., ар.; *А альтруизм ни при чем!* НГ. 23/1999, инт., рп.; *вам не в жизнь не видать*. НГ. 29/1999, оч., ар.; *Сергею Доренко не горячо и не холодно*. НГ. 47/1999, ст., ар. и пр.

Как уже отмечалось выше, массовый характер носят ошибки в склонении сложных числительных.

Распространенными являются ошибки при градации сравнительной степени прилагательного: *Относиться куда более серьезнее*. ТВ-Новости. 1998, вед.; *все более четче*. Там же; *более строже, более приятнее*. Эхо. 1998, инт., рп.; *Гораздо более адекватнее*. НТВ-Новости. 2000 (Ястржембский); *По логике Владимира Путина следует, что кровь российского солдата, боровшегося в 1977 г. в далекой Эфиопии, более краснее, чем у российского военнослужащего, участвующего в "антитеррористической операции" в Чечне*. НГ. 3/2000, заметка от редакции³³.

По поводу приведенных примеров можно высказать предположение о постепенном ослаблении градационного значения у прилагательных в сравнительной степени, в связи с чем и проявляется потребность во введении дополнительного компенсатора.

³³ Ср. также интенсификацию превосходной степени прилагательного: *он имеет очень огромнейшие шансы победить*. НТВ-Итоги. 1999, вед.

Говоря о речевом взаимодействии между адресантом в адресатом, мы хотели бы разграничить интеракцию скрытую (латентную) и явную, открытую. В письменных СМИ преобладает интеракция первого типа. Ее суть заключается в прагматическом "усреднении" узуса, его подстраивании к узусу предполагаемого адресата с целью устранения возможных коммуникативных и вербальных помех, препятствующих общению.

В устных СМИ также доминирует латентная интеракция, однако по мере возрастающего осознания функциональной специфики медиальных средств, равно как и возможностей, открывающихся перед ними в результате освоения достижений научно-технического прогресса (телефонные опросы в прямом эфире, телемосты и пр.), постепенно усиливается значимость интеракции открытой, предполагающей активизацию участия адресата в качестве коммуникативного партнера.

В результате сказанного в электронных СМИ **однонаправленный** поток информации (адресант > адресат) может трансформироваться в **двунаправленный**: адресант > адресат; адресат > адресант), в котором оба участника коммуникативного акта могут меняться местами, функционально замещая друг друга. Соответственно адресат, генерируя текст, транслируемый публично, из пассивного участника коммуникации может стать активным; адресант, напротив, в определенной ситуации превращается в адресата, которому (вместе с массовой аудиторией) данный текст предназначен.

В указанной ситуации при "выведении в эфир" тиражируются речевые навыки обоих участников коммуникативного акта, хотя они и находятся в неравных условиях: адресант, как правило, владеет не только более исчерпывающей информацией, но и обычно, наряду с более высоким уровнем языковой компетенции, имеет некоторое профессиональное представление о том, в какую вербальную форму следует облекать информацию при ее трансляции на массовую аудиторию; адресат, напротив, продуцируя текст, такими познаниями не обладает, он говорит "сходу", без подготовки (хотя и с дозированным использованием автоцензуры), т.е. опирается на те речевые навыки, которыми располагает.

Активизация речевого взаимодействия очень важна для эволюции речевого стандарта, так как массовое тиражирование речевого поведения уже не только адресанта, но и адресата со всеми возможными погрешностями, включая и несовершенство владения нормой, изъязыны автоцензуры и т.п., способствует усилению влияния разговорной речи на узус публичной вербальной коммуникации.

Изучение языка СМИ наглядно подтверждает справедливость тезиса о наличии диспропорции между численностью носителей и пользователей литературного языка: количество последних растет в геометрической прогрессии по сравнению с численностью его реальных носителей. В результате этого участником публичного вербального общения может оказаться (нередко именно так это и происходит) лицо, уровень языковой компетенции которого не является достаточным для того, чтобы порождаемый им текст не содержал ошибок и был употреблен адекватно коммуникативной ситуации.

Яркой иллюстрацией сказанного является так называемая гиперкорректность, когда гости передачи, не владеющие навыками культурного публичного общения, "судорожно" стараются говорить литературно (разумеется, сообразно их представлениям, т.е. с избытком профессионализмов, канцеляризмов и пр.). Ср. примеры, извлеченные из радио-, телеинтервью: *на ряд товаров овощного свойства*. ТВ. 1991; *сделано возвращение к этому вопросу*. ТВ. 1991; *Я предпринял продолжительное общение с Черномырдиным*. ТВ. 1994; *Это дело получило большое распространение*. Радио. 1994; *закрывать потребность населения по муке*. Радио. 1995; *Я войду в министерство с запросом; патрульная служба ищет и находит отдельные элементы; эффективные способы воздействия на эту проблему*. ТВ. 1994; *для усиления своего противоправного деяния; наличие транспортных средств выражается в автомо-*

биях; сложная ситуация в плане доказывания. ТВ. 1994; мы дали команду **произвести подметание** улиц. Радио. 1997; он скрылся **путем** свободного выхода. Радио. 1997 (судья о бегстве осужденного. – Г.Н.); **Заключенные бежали путем пропíла** решетки. ТВ. 1998; они **совершили падение**. Радио. 1995 (спортивный комментатор о падении фигуристов. – Г.Н.). Как своеобразную гиперкорректность можно рассматривать и следующую корректировку фразеологизма (вм. "набить морду" – "набить **лицо**"): Кто с кем развелся, кто кому **набил лицо** в ресторане ЦДЛ (Центральный дом литератора. – Г.Н.) – не интересно. НГ. 12/1999, заметка, ар.

Следует отметить, что коммуникативная, а также вербальная стратегия ведущих диалогических передач на радио и телевидении³⁴ во многом выстраивается сообразно речевому поведению собеседника. Так, если гость студии, чувствуя себя скованно, говорит на "суконном" языке, ведущий передачу журналист для создания атмосферы непринужденности, чтобы "разговорить" собеседника, "пересыпает" свою речь жаргонизмами; ср. (гость) *гуманитарная помощь* – (ведущий программы) *гуманитарка?* ТВ. 1995 или же (гость – представитель МВД) *работал с нашим контингентом; отдельные случаи, которые мы имели в прошлом году; такие вещи имеют место и пр.* – (ведущий) *человек в кожáne* (т.е. в кожаной куртке или пальто. – Г.Н.); *кто-то погорячится, дубиной съездит* своему подопечному. ТВ. 1994 и т.д.

Интересные наблюдения делает И. Коларжова [Kolářová 1999: 315–316]. Так, она отмечает, что, начиная передачу (т.е. до установления прямого вербального контакта с собеседниками), чешский ведущий в основном говорит на литературном языке (стилистика официального общения). Затем, по-видимому, из речевой "солидарности" или же деликатности (оба гостя – молодые актеры, широко использующие обиходно-разговорный язык), а скорее всего из соображений коммуникативной целесообразности, желания "разговорить" собеседников переходит на привычный для гостей передачи разговорный узус: (реплика ведущего) *A tak i říkám, nebudu se radší babrat v těch podrobnostech... ted' mě příjemně překvapilo, že vy ste hráli ve filmech obouch. Takže si myslím, že když už sme začli ten film, mohli bysme si o něm něco říct;* (реплика актера) *vo kterým vlastně?;* (реплика ведущего) *Můžeš mluvit vo obou, a určitě bude posluchače zajímat... za jakých podmínek se to natáčelo...;* (реплика актера) *No, já sem... vodtamtud... mně se vpodstatě vybavují tak akorát ty příjemný historky... vzpomínky, kerejch bylo... u tý muziky dost... vůbec nás tam bylo první rok pět základáků, druhý rok asi patnáct* и т.д.

Кстати говоря, проблема установления речевого контакта в СМИ уже давно обсуждается в богемистике; ср.: "Учитывая отличия литературного языка от языка повседневного общения, вряд ли будет уместным в так называемой живой беседе по радио или на телевидении заставлять себя последовательно соблюдать литературную норму там, где это может помешать установлению контакта со слушателем или где бы это производило впечатление искусственности" [Čeština za školou 1974: 70].

Использование таких форм вещания как передачи "прямого" эфира, спонтанные интервью, телефонные опросы, "телемосты", ставшие теперь модными многочис-

³⁴ Примечательно, что в речи ведущих на чешских радио и телевидении литературная норма в целом соблюдается более строго, чем у их гостей (и, кстати говоря, по нашим наблюдениям, чем у русских ведущих), хотя, впрочем, и в речи чешского ведущего программы можно зарегистрировать разговорные включения, особенно в ситуации, когда он хочет установить контакт с собеседником либо произвести соответствующее впечатление на массового слушателя или же зрителя. Ср. фрагмент из передачи "Тобоган" (1996 г. – текст из архива Института чешского языка ЧАН): (ведущий программы) *Pavel je skvělejší v tom že dyž dělá ten Kufr* (название телевизионной передачи. – Г.Н.) *tak já vždycky žasnú že ta obrazovka je tak rozhejbaná ... Vítku vodkad' si přijel ... Vítku a to je výborný ... vono je to ale dobře;* (гость передачи, работает ведущим на ТВ) *no já to teda vopravdu moc rád nemám ale vo mně kdysi někdo napsal že ... kopíruju nějaký americký styl.*

ленные "игровые" передачи и пр. – все это усиливает импровизационное начало, делает общение более непринужденным, раскованным и – что очень важно – способствует более широкому включению в устные СМИ диалогической речи.

Как показывают наблюдения, диалогическая форма общения является для слушателя более естественной и доступной. Иллюстрацией этого может служить восприятие диалектоносителями монологической и диалогической речи в устных СМИ: "Для носителей русского (как и всех славянских) диалектов литературная форма языка безусловно вполне понятна. Однако ситуация контакта с радио- и телеречью имеет свою специфику. Для слушателя язык средств массовой информации принципиально монологичен; диалог, в котором не участвует аудитор, также воспринимается как монолог (т.е. речевая деятельность, протекающая без его участия). Форма же монолога, имеющего к тому же определенные лингвистические отличия от языка аудитора, не обеспечивает полного понимания передаваемой информации" [Калнынь, Масленникова 1995: 23–24].

Не случайно в устных СМИ нередко намеренно **имитируется** диалогическое общение с воображаемым собеседником, причем с несколько "наигранной" непринужденностью, доверительностью (данный вид диалога не следует путать с диалогом, характерным для разговорного языка, поскольку он является не спонтанным, а искусственно выстроен одним человеком, т.е. это явление сходное с художественным диалогом). Так, ведущий телепередачи "Версии" (август 1995), прощаясь с телезрителями перед уходом в отпуск, нарочито доверительно говорит в пространство: *А вы уж тут присмотрите за нашим хозяйством: Чечня, скандал вокруг генпрокуратуры.*

Примечательно, что для создания атмосферы доверительности, симпатии к предполагаемому собеседнику журналисты в последнее время все чаще прибегают к эмоционально окрашенной лексике, в частности к деминутивам, прилагательным и наречиям с оценочными суффиксами (возможно, здесь сказывается и влияние разговорной речи). Ср. примеры из речи ведущих и гостей радиостанции "Эхо Москвы" (наблюдения 1999–2000 гг.): *собачка такая декоративенькая; сейчас будет кратюсенькая информация; довольно стандартненькая история; когда цена на золото подрастет, его удачненько продадут* (гость студии – экономист П. Бунич); *постепенненько перетекают полностью* (гость студии – префект А. Музыкантский). Красноречив диалог ведущей со слушателем по поводу проводимой на "Эхо Москвы" игры: *а газетка у вас есть с купончиком?... Там есть такой список; Там есть еще один куплетик; (о выигрыше – тостере) на нем можно делать тостики. Узнайте, когда можно будет получить подарочек; наш телефончик: 203-19-22; у меня еще есть немножечко времени; приму еще один самый последний звоночек*³⁵; (ведущий, т.е. это мужская, а не женская речь): *там есть такая маленькая табличечка; задай им каверзный вопрос; там стоит шикарный барчик* (гость студии – официант описывает, как выглядит их летний ресторан); *Это не денек, а денище* (о названии передачи "Ну, и денек") и пр. Ср. также употребление прилагательных со значением ослабленного признака: *ну, это ты крутовато; он молодова*т для отца (или же на ТВ: *этот вопрос общеватый*).

Диалогическая речь может воспроизводиться в СМИ в текстах так называемой "вторичной публичности", т.е. при аутентичной репродукции интервью, речи персонажей и пр., когда они из факта частной межличностной коммуникации становятся достоянием массовой аудитории³⁶ (в каком-то смысле здесь можно говорить о нару-

³⁵ Примечательно, что ведущая игровой передачи на "Эхо Москвы" (2000 г.), употребив очередной деминутив, осеклась, адресуя коллеге реплику *"Нашим слушателям не нравится, когда мы говорим трубочка, телефончик. Они говорят, что мы сюсюкаем"*, на что другой ведущий шуточно замечает: *"Положь трубку"*.

³⁶ Нечто подобное происходит и при использовании в целях индивидуального межличностного общения компьютерной связи (в том числе и Интернета), доступ к которой может иметь неограниченное количество потребителей.

шении корреспонденции между нормой речевой и коммуникативной). Приведем примеры из прессы: (разговор с актером из популярного телесериала "Менты") *А что, вы все не такие богатые, как об этом твердят? – Я не понимаю, почему люди считают, что мы очень сильно "упакованы"; Но тачки-то у вас у всех есть? – Я говорю: а с какой балды вы мне вообще звоните по этому поводу?; Ну, как же, говорит, вся страна знает, что вы – богатые люди! – Я считаю его гениальным режиссером, таких в стране жутко мало. Вот в театре, после шести месяцев репетиций, когда я выхожу на премьеру, и с меня пот в три ручья, я могу сказать: да, мне кайфово!; Тем не менее ходят слухи, что вы все – любители хорошо поддать.* НГ. 2000; *Как вы выбираете героев? – Не выбираю... Я западаю на уникальность.* НГ. 2000, интервью с режиссером, рп.; *Всем заправляет мужик, кликуха Грузин. Забалуй только, никни против – "шестерки" тут же резину (шины на автомобиле. – Г.Н.) продырявят, а там и железку (железную часть машины. – Г.Н.) поуродуют.* Мир за неделю. 17/1999, оч., рп.; *Эй, чувак, ты, в натуре, пить будешь?* МК. 1999, оч., рп. Ср. также довольно точное воспроизведение стилистики современного не-принужденного общения: *Они с Мишей решили обратиться к МВФ (так они теперь звали Мишку Филимонова), который за эти годы неплохо "раскрутился", заимел два магазина, трехсотый "мерс". МВФ согласился одолжить приятелю итуку баксов... МВФ усмехнулся: Рекламщики-пиарщики сейчас на хрен никому не нужны. К весне выживет только крупняк, да и то не весь. Короче, вот тебе реальная схема: снимаешь "двушку" в недорогом районе... потом запрягаешь бригаду работяг и приводишь свою квартиру в товарный вид, сдаешь и имеешь надежные бабки.* "Мир за неделю" 3/1999, очерк в стиле фельетона.

Следует, однако, учитывать, что журналист, воспроизводя речевые особенности своих собеседников, может прибегать к стилизации, редактированию и пр. (определенное вмешательство в аутентичный текст возможно и при повторном воспроизведении текста интервью на радио и телевидении).

Как мы могли видеть, в силу активной речевой интеракции в устных СМИ их узус становится более проницаемым для вторжения разговорной стихии, в том числе и для различного рода эпатажных включений, "раскачивающих" литературную норму, делающих ее более лабильной, склонной к вариативности.

6. ЯЗЫК СМИ КАК ФАКТОР ВНУТРИЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Возрастание объема и скорости информационного потока в устных СМИ в комбинации с высокой стоимостью эфирного времени, а также ограниченностью газетной площади (если речь идет о письменных СМИ) делает особенно актуальной проблему языковой экономии. Конкретно речь идет о необходимости максимального насыщения каналов коммуникативной связи компактно выраженной информацией.

В какой-то мере эта задача может быть решена за счет подключения, наряду с вербальными средствами, других знаковых систем³⁷ (ср. значимость визуального восприятия информации на ТВ). Однако важнейшее значение для компрессии, сгущения информации имеет использование более экономных номинационных способов, таких как универбизация и тесно примыкающая к ней деривация.

Мощным источником таких компактных обозначений является разговорный язык, активно вторгающийся в сферу публичной вербальной коммуникации. Как известно,

³⁷ Технические возможности современных каналов коммуникативной связи допускают использование различных семиотических систем и их комбинаций друг с другом (например, кинетической, звуко-интонационной, вербальной, звуко-сигнализационной, иконической, графической и пр.). При этом нельзя не видеть намечающиеся симптомы **потеснения** вербальных средств или же их недостаточного использования (ср., к примеру, сокращение площади вербального текста в иллюстрированных журналах).

именно в разговорном языке зарождаются инновационные процессы, влияющие в конечном итоге и на литературный язык (см. [Нещименко 1999б]).

Язык СМИ наглядно иллюстрирует замену громоздких описательных конструкций более компактными универбами, причем за многими из них легко угадывается разговорный шлейф: *Максималка* равна 160 километров в час. Эхо. 1999, вед. (= максимальная скорость); я объездил несколько *обменников* (= обменный пункт). НТВ-Новости. 1999, кор.; используют *противоугонку* (= противоугонное средство). Эхо. 1998; вед.; *Всех поразили десятки миллиардов долларов, прокачивавшиеся через "оффшорку"*. НГ. 12/1999, оч., ар. (= оффшорная зона); *В июне прошлого года решили пугнуть тех, кто занижал усредненную величину таможенных платежей. Ввели в аэропортах обязательный осмотр всего груза, если "усредненка" меньше \$ 2 за кг.* НГ. 13/1999, заметка, ар.; *они получили название оконных кондиционеров. Создатели оконников одним махом решили массу проблем.* НГ. 17/1999, оч., ар.; *Про Склиф никому ничего не надо объяснять. Все и так знают, что это Институт скорой помощи имени Склифосовского.* НГ. 12/1999, заметка, ар. и мн. др.

Частотность использования универбов в языке СМИ, особенно устных, стремительно возрастает, постепенно "легализуется" и их употребление в литературном тексте. Примечательно, что нередко описательная конструкция употребляется лишь в начале текстового фрагмента, как бы вывода универб в "свет". Проведенный нами анализ небольших газетных статей, включающих варьирующиеся номинации *гуманитарная помощь / гуманитарка; минеральная вода / минералка; пожизненно осужденный / пожизненник; канатная дорога / канатка*, показал следующее соотношение их частотности: в первой паре – 7 : 5; во второй – 2 : 3; в третьей – 4 : 5; в четвертой – даже 3 : 6 (правда, в последнем случае универб *канатка* был закавычен: *строительство канатной дороги через бухту Золотой Рог ... с вагончиков "канатки" туристы любуются пейзажами.* Нов. Изв. 25.02.2000). Характерно, что универбы встречаются не только в речи персонажей, но и в речи авторской (в том числе и в заголовках газетных статей).

Симптоматичной является значительная активизация в языке СМИ использования деривации. Это проявляется в возрастании продуктивности традиционных словообразовательных категорий и способов словопроизводства, вовлечении в сферу словообразования новых типов производящих основ и т.п. Выше мы уже говорили об активизации использования относительных прилагательных, а также о расширении возможностей образования и возрастании частотности употребления деминутивов и оценочных прилагательных.

Вне всякого сомнения увеличивается продуктивность словопроизводства феминативов, подтверждением чего является приток соответствующих новообразований, включающих и окказионализмы. Аналогичная тенденция, впрочем, наблюдается в ряде европейских языков (например, немецком и французском), где соблюдается так называемая политкорректность.

Приведем некоторые примеры новых лексических пополнений феминативов в узусе СМИ: *Оскароносица-99* как раз и сыграла там роль последней графини Вессекской. НГ. 23/1999, оч., ар.; *клофелиницица* НГ. 13-д/2000, рец., ар.; *Все, кто меня знает как шлягерницу.* Эхо. 1999, беседа с композитором И. Грибулиной, рп.; *она начинала как нововалетчица.* Эхо. 1999 (искусствовед о выставке художницы, входившей в объединение "Новый валет"); удачливая *детективщица*, без агрессивных намерений потеснившая не только "серьезную" прозу, но и мастеровитых работников своего цеха. НГ. 28/1999, рец., ар.; *пограничницы* появились в Шереметьево. НТВ-Новости. 1997, репортаж, ар.; *Партноменклатурищица* изъясляет презрение к "городской колбасе". НГ. 8/1999, рец., ар.; *наша патриархиня* (о Пугачевой). Эхо. 1999, вед.; *Его педагогиня* по фортепиано в консерватории. Эхо. 2000, вед.; *Фотография* (заголовок очерка о женщине-фотографе). НГ. 4-д/2000, оч., ар.; *портрет монархини.* Итоги.

2000, кор. (ср. также появление новообразований *снайперша*, *боевичка* в связи с военными действиями в Чечне) и пр. Впрочем иногда параллельно используется и описательное обозначение женщины; ср.: *история страсти безвольного Федора и женщины-вамп Елены... он не знает, как ему жить без своей вампириши Елены*. НГ. 44-д/1999, оч., ар.; *говорить о романе между руководителем администрации президента Александром Волошиным и специализирующейся на российских политиках канадской девушкой-фотографом Хайди Холлинджер еще рано*. Версия. 11/2000, ст., ар.

Многие из феминативов появились в узусе СМИ под очевидным влиянием разговорной речи (ср.: *На пороге возникли учитель физкультуры и завучиха, запыхавшиеся, как революционные матросы*. НГ. 49-д/1999, репортаж, ар.).

В этой связи обращает на себя особое внимание возрастание продуктивности суффикса феминативов *-и(а)*, который обычно используется в разговорной речи, причем нередко для обозначения женщин-жен. Приведем примеры дериватов с *-и(а)*, зафиксированных в новейших текстах: *народ временно превращается в Электорат* (даму со странными наклонностями)... *Перед Электоратшей* гарцуют самцы-кандидаты. НГ. 46-д/1999, заметка, ар.; *молодая дизайнерша*. Эхо. 2000, обзор моды, ар.; *интервьюерша*. НГ. 4/2000, рец., ар.; *фильм болгарской по рождению и бельгийской по диссидентской своей планиде режиссерши* Златины Русевой. НГ. 45/1999, рец., ар.; *девушка-боксерша*. Эхо. 2000, информация, ар. [имеется, кстати, и конкурирующий дериват боксерка: *Ей же принадлежали и симпатии зрителей, дружно подбадривавших "боксерку"* [вполне законный неологизм с 9 октября]. МК. 12.10.1999, статья о женском боксе, ар.]; *от негреющего камина до дикторши* "Новостей культуры". НГ. 45/1999, рец., ар.); *Это депутат (или депутатша?) Госдумы*. НГ. 39/1998, оч., ар.; *дискжокейша* на ТВ показывает жевательную резинку. НГ. 24/1998, рец., ар.; *предпринимательша* подъехала к дому. ТВ-6. 2000, информация, ар.; *Одна из оппонентши*, чрезвычайно лояльно настроенная к соискателю. НГ. 6-д/2000, ст., ар.; как называет Полина *меценатшу* Олимпиаду. НГ. 2-д/2000, инт., ар.; *А кем была Туманова? Подругой маклерши?* НГ. 44-д/1999, оч., ар.; *я хочу найти организаторшу демонстрации* (феминисток. – Г.Н.) Эхо. 2000, беседа, рп. и мн. др. (добавим к этому упоминавшуюся выше *снайпершу*). Ср. также наступательную позицию суффикса *-щик* (*пиарщик* / *пиаровец*; *информационщик* / *информационник* и под.).

Можно привести многочисленные примеры активизации словопроизводства абстрактных существительных: *За счет своей шизанутости*. НТВ-Итоги. 1998, инт., ар.; *Отказались выдвигать по разнарядке ЦК ВЛКСМ лучших на правительственные награды. Какой мерой мерить эту лучшесть?* НГ. 48/1998, оч., ар.; *Отрицательность* его имиджа. НГ. 24/1998, оч., ар.; *Анатолию Борисовичу удалось войти в реку вице-премьерства*. НГ. 24/1998, оч., ар.; *реальная "носибельность"*, если так можно выразиться, моделей. АиФ. 6/1999, заметка о показе мод, ар.; *но уж пародировать так пародировать, и делать это надо в той же тональности и с той же мерой отвязанности*. НГ. 37/1999, рец., ар.; *За время своего иовства* (об исполняющем обязанности премьера С. Кириенко). Эхо. 1998, журналист; *У Михалкова каждый фильм жестко просчитан: на прокат в Москве и по России, на фестивальность вообще и на возможные номинации в частности*. НГ. 9/1999, оч., ар. и мн. др. У ряда Nomina Abstracta суффикс *-к(а)* успешно конкурирует с литературными формантами: *проявление – проявка* (работники "Кодака", куда он носил на *проявку* пленочки. НГ. 45/1999, оч., ар.); *руление – рулежка*; *озвучение – озвучка* (ср. диалог между журналистом и актерами: Ж.: *Значит, вы против дубляжа?* А.: *Конечно, он интереснее в сравнении с другими видами "озвучки"* ...*после некоторых фильмов я горжусь, что участвовал в их озвучении*. Мир за неделю. 13/1999, инт, рп.) и др.

Более компактными являются и глаголы типа *банкротить* (банки). Эхо. 1999,

вед.(= проводить, осуществлять банкротство, подвергать банкротству); *То, что представители исполнительной власти **секретят** эти материалы, понять можно.* НГ. 12/1999, оч., ар. (= делать секретным, засекречивать); ***ксерить*** (= делать ксерокс); *Разыгрался аппетит – не тормози, **сникерсни**.* ТВ. 1998, реклама (= съешь сникерс); *подозревали, что артисты **фанерят**.* НГ. 39-д/1999, инт., рп. (= петь под "фанеру", т.е. под фонограмму); *Допустим даже, тебя не убили на Киевском рынке местные менты, которые **"крышуют"** рынок.* НГ. 9/1999, оч., рп. (= делать "крышу", охранять) и др.

Следует подчеркнуть, что повышенная частотность использования в текстах СМИ разговорных включений так или иначе способствует повышению их социолингвистического статуса, а также укрепляет, как мы могли видеть, их позиции в конкуренции с адекватными литературными аналогами. Дополнительные импульсы получает конкуренция не только на словообразовании, но и на других уровнях языковой системы, например в морфологии³⁸.

* * *

Подведем некоторые итоги рассмотрения исследуемой проблемы.

Анализ узуса современной публичной коммуникации на русском языке позволяет сделать вывод о том, что в данной сфере вербального общения во второй половине XX столетия происходит несомненное **усреднение, массовизация** речевого стандарта. Поскольку подобная эволюция наблюдается в целом ряде языков, можно говорить об **универсальности** этой тенденции, являющейся закономерным следствием комплекса объективных причин как социолингвистических, так и информационно-коммуникативных.

В числе предпосылок, обусловивших подобную направленность эволюции норм речевого поведения, важную роль сыграло смещение акцента при установлении литературной нормы с языка художественных текстов на язык СМИ, который и стал восприимчивым нормотворческой функции. Благодаря использованию СМИ, прежде всего электронных, сфера публичного общения заняла во второй половине столетия главенствующее положение в системе этнической коммуникации, оказывая определяющее влияние на формирование стереотипов речевого поведения. Таким образом, к концу XX в. язык СМИ становится **эталонным**, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом.

В составе медиальных средств доминирующую роль в настоящее время бесспорно играют **устные** СМИ, т.е. радио и телевидение. Соответственно и устный литературный язык (а не только письменный, как это было раньше), обладает ныне общезначимым статусом, используется в качестве средства хранения и распространения культурных ценностей, причем как в синхронии, так и диахронии. Из сказанного вытекает, что при выстраивании приоритетов в области языковой культуры и языкового воспитания необходимо учитывать функциональную специфику языка устных СМИ,

³⁸ Ср. повышение частотности употребления лексем с ударными флексиями: *К литературным персонажам – операм, банкирам, бандитам, проституткам – **редактора** относятся как к пушечному, точнее, книжному мясу.* НГ. 14/1999, ред., ар.; *Судя по всему, проводили некие мероприятия московские **опера**.* НГ. 45/1999, оч., ар.; ***опера** из убойного отдела... эти **опера** были живыми, простыми.* НГ. 13-д/2000, ред., ар.; *ходили в милицию учителя, **директора** школ.* НГ. 45/1999, оч., ар. (но: ***директоры** площадок* (эстрадных. – Г.Н.). НГ. 39-д/1999, инт., подзаголовок). Приведем также примеры появления словоформ мн.ч. у слов Sg. tantum: *они проходят в своих **альмаматах**.* Эхо. 1999, журн.; *Новая политика для **северов**.* НГ. 32/1999, оч., ар. (заголовок); *Все выставленные **крема** и духи можно было купить по отпускной цене.* НГ. 3-д/2000, заметка о выставке, ар. и пр.

масштабность воздействия их узуса как своеобразного речевого **эталона** на языковое сознание социума.

Специфическая особенность устных медиальных средств заключается в числе прочего в возможности установления **сиюминутного, одномоментного** коммуникативного контакта с массовой, общенациональной аудиторией. В отличие от письменного текста повторное востребование адресатом текста устного, как правило, затруднено, поэтому его вербальное оформление должно быть настолько сближено с узусом предполагаемого адресата, с его языковой компетенцией, чтобы он мог сиюминутно, причем желательно без потерь и искажений, воспринять информацию. Это изначально предполагает необходимость **снижения** языковой "планки" текста, сближение его с массовым узусом, что не может не отражаться на речевом стандарте.

Публичная коммуникация относится к сфере **регулируемого** речевого поведения. Важно, однако, подчеркнуть, что в отличие от письменных устные СМИ имеют более ограниченные возможности речевого контроля – это главным образом автоцензура. В связи с этим корректность передаваемого по каналам устных СМИ текста в конечном итоге зависит лишь от уровня языковой компетенции говорящего, именно она предопределяет не только качество генерируемого текста, но и его адекватность конкретной коммуникативной ситуации.

Использование современного технического оснащения устных СМИ расширяет возможности речевого взаимодействия коммуникантов, установления между ними обратной связи. В силу этого публичными участниками коммуникативного акта становятся не только адресант, но и адресат, соответственно их речевые навыки транслируются на массовую аудиторию.

Следует учитывать большую открытость текстов СМИ, особенно устных, по отношению к разговорной стихии. Это способствует более интенсивному проникновению в узус публичного общения разговорных включений. Сказанное имеет как позитивное, так и негативное значение. Так, с одной стороны, это делает речь более экспрессивной и эмоционально насыщенной, сокращает слишком большую дистанцию между разговорным и литературным узусом, благоприятствует более динамичному развитию литературной нормы, стимулируя ее вариативность, а также развитие конкуренции дублетов. С другой стороны, стихийный приток неактуализованных разговорных включений, прежде всего вульгаризмов, жаргонизмов и пр. (равно как и неосвоенных заимствований), может иметь разрушительные последствия для общенациональной коммуникации и вести к нарушению коммуникативного контакта.

Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что исключительно слуховое восприятие текста в определенном отношении может оказаться "ущербным", так как оно чревато появлением у аудитора специфических слуховых ошибок. Добавим к этому, что при устном воспроизведении нередко обнажаются такие пробелы в языковой компетенции говорящего, которые при графической фиксации текста остаются скрытыми, "закамуфлированными".

Таким образом, для сбалансированного развития культуры современной публичной речи является необходимым подключение соответствующих рычагов, позволяющих уравновесить, сгладить возможные негативные последствия преобладания устной публичной коммуникации. Речь идет о разработке единой стратегии и тактики в области языковой политики, предусматривающей, в частности, повышение культуры **устного** литературного слова, а также общей языковой компетенции лиц, вербально активных в сфере публичной коммуникации.

Важно отметить, что для решения важнейших социолингвистических и информационно-коммуникативных проблем необходимо не только осмысление большого фактического материала, отражающего современное состояние вербальной коммуникации в этносе, но и его непредвзятая научная интерпретация, свободная от сложившихся стереотипов и иллюзий. Так, в частности все более очевидным становится, что уровень полученного образования (тем более без учета его качества) является всего лишь формальным критерием, не гарантирующим ни корректности использо-

вания литературной нормы, ни тем более принадлежности индивидуума к числу ее носителей. Вряд ли можно оспорить и тот факт, что рост численности **действительных** носителей литературного языка в настоящее время существенно **отстает** от роста численности лиц, практически пользующихся этим феноменом, особенно в публичной коммуникации. Сниженное или же неустойчивое знание литературной нормы приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что, с одной стороны, несомненно, делает лабильной литературную норму; с другой – побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов. В результате сказанного в ситуации, когда мы ожидали бы появления корректного с точки зрения литературной нормы текста, нередко приходится иметь дело с текстами, значительно отличающимися от действующей литературной кодификации.

Как показывает проведенное исследование, для решения комплекса актуальных социолингвистических проблем необходимо рассматривать языковые факты в контексте этнического языка в целом, избегая предвзятости в оценке значимости тех или иных форм его манифестации. Важную роль играет применение интердисциплинарного подхода, сочетающего в себе достижения теории коммуникации, социологии, лингвистических дисциплин и пр., а также сопоставительного изучения языков, прежде всего близкородственных.

Одна из важнейших задач социолингвистики, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, тщательно зафиксировав новые тенденции в развитии современной языковой ситуации и, в частности, в эволюции норм речевого поведения в сфере публичной коммуникации, не отвергать их с ходу, а попытаться, выявив причины их вызывающие, предложить научно обоснованные рекомендации в области языкового воспитания и языковой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В.В. 1938 – Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.
- Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). 1995 – Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Риторика (специализированный проблемный журнал). 1995. № 2.
- Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. 1995 – Исследования по славянской диалектологии. Часть 3: Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- Ликоманова И. 1998 – Реляцията стандарт – субстандарт в славянските езици след последните социополитически промени // Slavica pragensia ad tempora nostra. Sborník statí z mezinárodní vědecké konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě. Praha, 8–10. června 1998. Praha, 1998.
- Нещименко Г.П. 1983 – О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Нещименко Г.П. 1985 – Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Нещименко Г.П. 1988 – Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988.
- Нещименко Г.П. 1994 – Язык и культура в истории этноса // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.
- Нещименко Г.П. 1998 – Значимость оппозиции "носитель – пользователь" языка (языкового идиома) для изучения специфики языковой ситуации и ее динамики // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Нещименко Г.П. 1999а – Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // Specimina philologiae Slavicae. Bd. 121. München, 1999.
- Нещименко Г.П. 1999б – Разговорный язык как импульс инновационных изменений в

- литературном языке (на материале русского и чешского языков) // *Slavia*. Roč. 68. Seš. 1. Praha, 1999.
- Никольский Л.Б. 2000 – Трансмиссия культуры и ее лингвистические последствия в афро-азиатских странах // *Язык как средство трансляции культуры*. М., 2000.
- Русск. яз. конца XX... 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. М., 1996.
- Русск. яз. 1997 – Русский язык / Под ред. Е.Н. Ширяева // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole, 1997.
- Brabcová R. 1996 – Škola a spisovná čeština // *Spisovnost a nespisovnost dnes*. Sborník příspěvků z mezinárodní konference "Spisovnost a nespisovnost v současné jazykové a literární komunikaci". Brno, 1996.
- Daneš F. a kol. 1997 – Český jazyk na přelomu století. Praha, 1997.
- Čeština za školou 1974 – Čeština za školou. Praha, 1974.
- Ertl V. 1929 – Dobrý autor // *Časové úvahy o naší mateřtině*. Praha, 1929.
- Horecký J. 1981 – K teorii spisovného jazyka // *Jazykovedný časopis*. 1981. № 2.
- Jedlička A. 1974 – Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.
- Kolářová I. 1999 – Odras komunikčních faktorů v textech současné rozhlasové a televizní publicistiky // *Stylistyka*. VIII: Styl i gatunek / Ed. by St. Gajda. Uniwersytet Opolski, 1999.
- Müllerová O. 1996 – Nespisovnost v rozhlasovém vysílání // *Spisovnost a nespisovnost dnes*. ...Brno, 1996.
- Něščimenková G. 1990 – O některých jevech jazykové specifičnosti češtiny a ruštiny v překladatelské práci // *Čeština jako cizí jazyk*. III. Materiály z III. Mezinárodního symposia "Český jazyk a literatura v zahraničí". Praha, 1990.
- Stich A. 1975 – K obecné češtině v současné krásné próze (Ota Pavel) // *Naše řeč*. 1975. № 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ар. –	авторская речь
вед. –	ведущий
журн. –	журналист
инт. –	интервью
кор. –	корреспондент
оч. –	очерк
рп. –	речь персонажа
рец. –	рецензия
ст. –	статья
АиФ* –	газета "Аргументы и факты"
Комс. пр. –	газета "Комсомольская правда"
МК –	газета "Московский комсомолец"
Нов. Изв. –	газета "Новые Известия"
НГ –	"Новая газета"
Эхо –	радиостанция "Эхо Москвы"
Euro –	Euro. Ekonomický týdeník
Nepil –	<i>F. Nepil. Jak se dělá chalupa</i> . Praha. 1993.
Topol –	<i>J. Topol. Výlet k nádražní hale</i> . Praha. 1995.
Švandrlik –	<i>M. Švandrlik. Černí baroni</i> . Praha. 1990.

* За названием газет следует номер (или далее через косую черту – год).